

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

1941–1945 гг.

ХХ военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Олег Сергеевич Смыслов
Окопная правда войны. 1941–1945 гг.
Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438625
Окопная правда войны. 1941–1945 гг. / Смыслов О.С.: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-7953-7

Аннотация

«Война – это живая, человеческая поступь – навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу... Это брошенные до весны солдатские трупы... Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходит вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия... на передовой, под градом осколков и пуль. Война это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают...» Эти слова участника тяжелейших боев на Калининском фронте 1941–1943 гг. гвардии капитана А. Шумилина могут стать эпиграфом к книге О. Смылова, рассказывающей о той правде прошедшей войны, о которой и до сих пор молчат историки, журналисты и писатели.

Содержание

От автора	4
Часть первая	6
1. Информация разведки и отверженный труд	6
2. Дезинформация и лукавство полководца	19
3. Первый день войны	33
4. Девять дней западного фронта	59
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олег Смыслов

Окопная правда войны

Светлой памяти Сергея Ивановича Смылова, героически погибшего 1 декабря 1942 года, и всем солдатам-окопникам, павшим и живым посвящается...

От автора

Правда-истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость.
В.Даль

Окоп – фортификационное сооружение открытого типа для ведения огня и защиты личного состава и военной техники от средств поражения.
Военный энциклопедический словарь, 1983 г.

Через несколько лет мы будем торжественно отмечать очередной юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Но война еще не ушла с нашей земли.

Очень часто бывая на Смоленщине, мне приходилось видеть обвалившиеся, обмелевшие и заросшие травой окопы, ржавые гильзы и ржавые пробитые каски. Груда металла, борта полуторок, резина и множество предметов военного снаряжения до сих пор разбросаны по лесам и в воде, в местах отступлений, переправ и кровопролитных сражений. Но самое главное это кости и черепа солдат, которые каждый год находят, и не только поисковые отряды.

Я пишу об этом с болью в душе как внук солдата-окопника, как сын ветерана Вооруженных Сил СССР, как офицер.

Мы, живущие в стране, победившей фашизм, до сих пор не похоронили с почестями своего последнего солдата, потому что и в XXI веке не знаем точное число погибших.

Мы до сих пор не наградили всех тех, кто кровью и потом заслужил свои медали и ордена в годы войны, потому что не всех еще разыскали. Да и разыщем ли?

Между тем каждый год от нас уходят ветераны. Почти не осталось окопников. А сколько их встретит следующий юбилей? Мы не знаем.

«Окопная правда» в литературе пришла к нам от плеяды молодых писателей фронтного поколения. Свою правду войны они противопоставили лакированным произведениям обласканных властью писателей. За что их клеймили. Однако, несмотря ни на что, они смогли донести до миллионов правду из окопа. Они доказали своими произведениями, что и там есть правда, которую нужно разглядеть. Собственно, война начинается с окопа, с передовой, с «передка». Там жили и умирали солдаты: восемнадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние. И еще моложе, и еще старше...

Однажды писатель Константин Симонов, выступая на конференции, сказал: «Никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Войну в целом знает народ, и народ надо расспрашивать о ней».

Не одно десятилетие и я расспрашивал народ о войне, работал в архивах, посещал библиотеки, много читал и записывал. И вот наконец решился донести до читателя накопленную мной «окопную правду» солдат, офицеров, генералов и маршалов Великой Отечественной войны. Но прежде в жанре литературной мозаики я попытался посмотреть изнутри на 22

июня 1941 г. и катастрофу Западного фронта. С чего, собственно, и начиналась наша Великая Победа над НАШЕСТВИЕМ Германии. Именно таким необычным словом назвал вторжение германских войск на территорию Советского Союза русский писатель Борис Васильев. В статье «Последний парад», опубликованной им в «Новой газете» в юбилейном 2005 г., он писал: «Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду Чудского озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас до сей поры».

И каждый раз, ступая на целину истории Великой Отечественной войны, мы только приближаемся к истине, разрушая мифы и разоблачая ложь, создаваемые «для нашего же блага» десятилетиями. Но история – наука точная. И мы, потомки Победителей, не имеем права забывать об этом. Ведь – память это участие. Участие не в переписывании истории, а в воссоздании ее на фактах «окопной правды».

Часть первая

Правда о катастрофе 1941 года

1. Информация разведки и отверженный труд

Совещание начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии проходило при ЦК ВКП(б) с 14 по 17 апреля 1940 г.

17 апреля во время доклада начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба И.И. Проскурова выступил Сталин. Обращаясь к 33-летнему комдиву, он сказал:

– У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком, вы бы увидели, что эти господа на Западе друг друга критикуют: у тебя тут плохо с оружием, у тебя тут плохо, вы бы видели, как они друг друга разоблачают, вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная.

Но что мог возразить бывший летчик, который только семь лет назад окончил школу летчиков и Героем Советского Союза стал в 1937 г. не за работу в разведке?

Внимательно выслушав вождя, он попытался продолжить свой доклад дилетанта, но Сталин, вставляя короткие реплики, снова обратился лично к нему:

– Разведка начинается с того, что официальную литературу, оперативную литературу надо взять из других государств, военных кругов и дать. Это очень верная разведка.

Разведка не только в том состоит, чтобы тайного агента держать, который замаскирован где-либо во Франции или в Англии, не только в этом состоит. Разведка состоит в работе с вырезками и с перепечаткой. Это очень серьезная работа. Смотрите, вот сейчас идет война, они будут друг друга критиковать и разоблачать, все тайны будут выносить на улицу, потому что они ненавидят друг друга. Как раз время уцепиться за это и сделать достоянием наших людей. Эта работа непосредственно разведки, самая серьезная.

А вы это не считаете...

Работу разведки в этой войне признали плохой, а генерал-лейтенанта авиации И.И.Проскурова, командующего ВВС 7-й армии, 27 июня 1941 г. арестовали и 28 октября того же года расстреляли.

В июле 1940 г. на должность заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии – начальника Разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. До сих пор это назначение называется неожиданным. Хотя о какой неожиданности может идти речь, если Голиков до этого командовал 6-й армией Киевского особого военного округа. Сначала при Тимошенко, а потом и при Г.К. Жукове (командующий КОВО с мая 1940 г.). Первый его и выдвинул, когда стал наркомом обороны...

Среднего роста, круглолицый, лысоватый блондин со светлыми глазами и дежурной улыбкой, давая указания, всегда говорил:

– Сделайте так...

Но как именно надо сделать, его подчиненные никогда не знали, презирая его за неопределенность. При их неудаче в своих глазах он подчеркивал:

– Я вам таких указаний не давал. Вы меня неправильно поняли.

Возвращаясь от вождя, Голиков любил информировать сотрудников о том, что думает «хозяин». И очень страшился малейшего расхождения информации своего управления с его мнением.

Информационный отдел Разведупра регулярно раз в месяц выпускал разведсводки, которые рассылались правительству, всем членам Политбюро, Генштабу, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам – до штаба корпуса включительно.

Помимо сводок там выпускали различные справочники, описания и наставления.

Следующий вид информации по грифом «Совершенно секретно» назывался – «Спецсообщения, или иначе – особо важные данные для Сталина, Молотова, Маленкова, Берия, Ворошилова, Тимошенко, Мерецкова и Жукова.

«Живая связь» как вид информации служила подтверждением документальной. Не реже одного раза в неделю офицер разведки Оперативного управления получал в информационном отделе все вновь поступившие данные, наносил их на карту и докладывал начальнику Генерального штаба. Кроме того, по инициативе заместителя игольника информационного отдела по Востоку Новобранца, там начали составлять «Мобилизационные записки», или иначе – доклады о военно-экономическом потенциале страны и о возможном масштабе развертывания армий.

Как-то подполковник Новобранец, закончив «мобзаписку» по Германии, отнес ее Голикову. Тот с неподдельным интересом рассматривал схему, где главный удар Германии был показан исходя из группировки на Москву. По записке, немцы могли применить молниеносную войну с целью сокрушить противника с первого удара. Для этого они намеревались ввести 220 дивизий.

После долгого изучения материала Голиков отложил документ, заявив:

– Ваши соображения верны, но это не более чем предположения. Не правда ли? Вот только фактически этих группировок нет.

– Да как же нет! – почти закричал подполковник. – Ведь это же не сам я придумал. Каждая дивизия нами точно установлена. И не только ее дислокация, состав, организация, но даже командир. Как можно не верить достоверным сведениям?

Голиков небрежно бросил «мобзаписку» в сейф и сухо отрезал:

– Можете идти. Вы свободны!

Как и сам Сталин, генерал-лейтенант считал, что главные силы Германии находились во Франции для нанесения решающего удара по Англии. Усиленная бомбардировка Лондона и подготовка к форсированию Ла-Манша служила прямым доказательством этого плана.

Сотрудники же Разведупра были убеждены в особой форме дезинформации Гитлера.

Спустя время станет известно, что операция против Англии под названием «Морской лев» была не чем иным, как отлично спланированной и проведенной дезинформацией.

Как же разоблачили ее подчиненные Голикова?

В. Новобранец с удовольствием рассказывал об этом после войны:

«Дело в том, что у немцев не хватало десантных перевозочных средств, и фактически операция не могла быть осуществлена. После Дюнкерка в Англию возвратилась 300-тысячная армия. На ее базе англичане сформировали около 40 дивизий, из них 5 танковых; была построена мощная береговая оборона. Чтобы преодолеть сопротивление английской армии, нужно было перебросить не менее 60 немецких дивизий, из них 8-Ю танковых. Для этого требовалось много десантных средств. Я уже не помню цифру, полученную при наших расчетах, но, по подсчетам самих немцев, для переброски в первом эшелоне 30 дивизий требовалось 145 пароходов, 1800 барж, 400 буксиров, 900 катеров, 100 парусных судов, не считая флота для прикрытия и поддержки операции. Таких судов у немцев не было.

Поэтому Гитлер никогда и не помышлял о вторжении на Британские острова. У него были другие планы: склонить Англию к миру – отсюда и миссия Гесса, – и напасть на Советский Союз.

20 марта 1941 г. на стол вождя легла очередная докладная записка Ф.И. Голикова.

В “Высказываниях и вариантах возможных боевых действий германской армии против СССР” подчеркивалось: “За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз...”

Из наиболее вероятных вариантов действий, намеченных против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант № 3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: “Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда;

2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедта – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая”.

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта из Румынии, упорно рассматриваются слухи о том, что Германия изменила свой оперативный стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: “Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть, тогда будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой”.

Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что Главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию.

Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки...»

Двадцать лет спустя после войны профессор В.А. Анфилов случайно встретился с маршалом Голиковым в Архиве Министерства обороны СССР в Подольске.

– Помните ли вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 г.? – спросил он бывшего начальника Разведупра.

– Как же, хорошо помню, – без тени смущения ответит маршал. – Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.

– Вот именно. А как Сталин отнесся к ним? – Он их оценил также, как и я.

– Почему вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления наложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?

– А вы знали Сталина?

– Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.

– Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения...!

* * *

Летом 1940 г. начальник Разведуправления НКВД СССР П.М. Фитин вызвал к себе старшего оперуполномоченного младшего лейтенанта ГБ З. Рыбкину. Когда она зашла, Павел Михайлович поднялся из-за обширного письменного стола и вышел навстречу. Пожав руку, он пригласил Зою Ивановну присесть, указав ей отведенное место. Сам же сел напротив. Подчеркнутая вежливость подсказывала женщине серьезность предстоящего разговора. Она не ошиблась, Фитин сразу же перешел к делу:

– Мы задержали матерого разведчика абвера, некоего Нелидова Александра Сергеевича. 47 лет, бывшего офицера армии Деникина. Находясь в эмиграции в Германии, его завербовала немецкая разведка, а с приходом к власти Гитлера он стал агентом абвера. Участвовал в ряде военных игр генерального штаба совместно с разведкой. В 1939 г. сам Канарис направил его в Чехословакию, а потом в Польшу. В Варшаве его разоблачили и арестовали. Содержали во Львовской тюрьме. С нашим приходом в Западную Украину Нелидова выпустили, но потом разоблачили и отправили в Москву как разведчика Германии. Вам поручается лично заняться Нелидовым и получить от него полную информацию по Германии.

Зоя Ивановна Рыбкина подготовила план работы с Нелидовым. Его ежедневно приводили к ней в кабинет. Невзрачный человек около пятидесяти лет с проседью в аккуратно подстриженных волосах вел себя по-лакейски. «Да-с», «никак нет-с», «слушаюсь», «как прикажете, гражданин начальник», – все эти отжившие слова резали слух молодой женщине. Однако впоследствии ей удалось отучить его от привычки прибавлять к какому слову букву «с» и многого другого. А самое главное, вытащив Нелидова из состояния скованности и растерянности, ей удалось расположить его к себе, успокоить и заставить работать с полной отдачей.

Каждый день (с утра до 6 вечера и после трехчасового перерыва до 2–4 часов утра) Александр Сергеевич готовил свой материал в виде начерченных карт-схем, показав не только глубокие знания в оперативном искусстве, но и отличную память на цифры.

Как-то Рыбкина обратила внимание на изображенные на этих схемах синие стрелы, направленные на границу Белоруссии.

– Что это у вас такое Александр Сергеевич? – поинтересовалась она.

– В одной из последних военных игр, Зоя Ивановна, Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления, – объяснил Нелидов.

– Как это на пятые сутки? – рассмеялась Рыбкина. Сначала Нелидов смутился, а потом стал в буквальном смысле клясться, что именно так рассчитано в штабе Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Когда это передали Фитину, тот не выдержал:

– Ну и заливает же этот подонок. На пятый день и уже Минск!

Следующим с картами-схемами, начерченными Нелидовым, ознакомился начальник Разведуправления РККА Голиков. Сначала он задумчиво разглядывал материалы, а потом вдруг начал иронизировать:

– Итак, они решили врезаться клиньями. И, подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силен. Силен!

Когда он начал свертывать в трубку карты, лишь добавил:

– Это весьма и весьма интересно!

Кроме тревожной информации от разведок Красной Армии и НКВД, к Сталину поступала подобная информация и по линии Наркомата иностранных дел. Советские полпреды постоянно, в течение 1940-го и первой половине 1941 г. слали депеши с сообщениями о надвигавшейся на страну угрозе.

В 1940 г. первые тревожные сведения начали поступать в НКВД из Советского полпредства в Германии. Так в апреле оттуда информировали о наличии в Германии значительного количества антисоветской литературы.

В декабре 1940 г. на имя полпреда СССР в Германии В.Г. Деканозова поступило анонимное письмо на немецком языке. Неизвестный автор предупреждал о намерении Гитлера «будущей весной напасть на СССР». Среди его доказательств были и такие:

«5. Формируется новая армия из призывников 1901–1903 гг. рождения. Под ружьем находятся также военнообязанные 1896–1920 гг. рождения. К весне 1941 г. германская армия будет насчитывать 10–12 миллионов. Кроме того, трудовые резервы, подразделения СС, СА и полиция составят еще 2 миллиона человек дополнительно, которые будут вовлечены в военные действия.

6. Верховное командование разрабатывает два плана окружения Красной Армии:

а) удар от Люблина по реке Припяти (Польша) до Киева. Другие части наступают из Румынии в районе Буковины в направлении реки Тетерев;

б) удар из Восточной Пруссии в направлении Мемель – Вильно – Березина – Днепр до Киева. Южное продвижение, из Румынии...»

Особо значительной была активность турецких дипломатов, которые не только обращали внимание советских коллег на действия Германии, но и однозначно трактовали их как вероятную угрозу СССР.

Так временный поверенный в делах Турции в Берлине Алкенд в беседе с полпредом СССР в Германии Деканозовым в январе 1940 г. сказал:

– В Германии сейчас бездействует армия в 50 дивизий, и неизвестно, для чего эта армия предназначена. Фюрер в один прекрасный день прикажет направить армию на Балканы, а то и в Россию совершенно неожиданно для других.

В марте 1941 г. Деканозов информировал советское руководство: «В середине января в Варшаву прибыли части четвертой армии из Франции, которые разместились в окрестностях Варшавы и ближе к границе...

Ежедневно на восток идут поезда с вооружением (орудия, снаряды, автомашины и строительные материалы)».

К письму Деканозов приложил немецко-русский разговорник, выпущенный для солдат вермахта. «Есть данные, что такими книжечками снабжены все германские солдаты на германо-русской границе».

Убеждая советское руководство в том, что нападение Германии дело ближайших месяцев, Деканозов в апреле 1941 г. отправил в Москву специальный доклад о разного рода событиях и слухах, ходивших в Берлине, «о предстоящем столкновении СССР с Германией».

Таким образом, от множества источников трех ведомств шла информация в Кремль к Сталину о том, что Германия в ближайшее время развяжет войну. И если сроки начала военных действий назывались самые разные, тем не менее все они сходились в одном: война неизбежна!

17 июня 1941 г. начальник Главного разведывательного управления НКВД Фитин повез Сталину очередной обзор агентурных данных с общим выводом в заключении: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

В кремлевском кабинете вождь был один. Когда Фитин вошел вместе с наркомом госбезопасности В. Меркуловым, Сталин сразу обратился к нему с претензией:

– Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений.

В ответ Фитин достаточно подробно рассказал об источниках информации. Он запомнит эту встречу с вождем на всю жизнь: «Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку, что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: “Вот что, начальник разведки, нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно?” Я ответил: “Ясно, товарищ Сталин”. Далее он сказал нам: “Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне”».

Один из руководителей разведки советских органов безопасности генерал-лейтенант П.А. Судоплатов вспоминал: «В 1992–1993 годах, в пылу критики Сталина, нашего посла в Германии Деканозова обвинили в том, что он явился “распространителем” дезинформации о неизбежности войны с Германией. Как же обстояло дело в действительности?

В мае 1941 г. Деканозов был вызван в Москву для консультаций. Тогда между ним и немецким послом графом Шуленбургом состоялись беседы. Из рассекреченных теперь записей этих бесед следует, что немецкий посол в Москве открыто заявлял советскому дипломату, в недалеком прошлом начальнику внешней разведки НКВД, о своей озабоченности растущей напряженностью в германо-советских отношениях, грозящей столкновением, и о необходимости их улучшения. Деканозов немедленно доложил не только в форме записи беседы, но и лично Сталину и Молотову о встречах с Шуленбургом. И вот здесь советское руководство в силу своего менталитета допустило серьезнейшую ошибку. Оно не могло себе представить, что Шуленбург беседовал с Деканозовым по собственной инициативе, без санкции Берлина. Даже когда Шуленбург подчеркнул Деканозову, что он излагает свою личную точку зрения о необходимости предпринять шаги в виде совместного обмена нотами и принятия Коммюнике о стабильности германо-советских связей, в Кремле восприняли его слова как точку зрения влиятельных политических кругов Германии. Роль Шуленбурга Сталин, Молотов, Берия, безусловно, переоценивали. От его бесед с Деканозовым ожидали начала проработки возможной встречи с немецким руководством на высшем уровне. Не случайно Деканозов 1 мая 1941 г. стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и государства. Это лучше всяких слов говорило немцам, что он, заместитель наркома иностранных дел, очень близок к руководителям Советского Союза.

5 мая Деканозов был приглашен на завтрак к Шуленбургу. По ошибочному указанию Кремля мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии. Затем последовало печально известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. о безосновательности слухов относительно войны с Германией.

Намерения немцев и неизбежность войны стали еще более очевидными, когда нашей контрразведке с помощью агента военной разведки Г. Кегеля при участии З. Рыбкиной удалось установить совершенную прослушивающую аппаратуру в помещениях немецкого посольства, где Шуленбург и военный атташе вели доверительные беседы между собой.

Это было очень большим достижением нашего контрразведывательного аппарата и его технических подразделений, смонтировавших аппаратуру. К сожалению, это удалось сделать только в майские праздники 1941 г.

Кобулов, Меркулов, Берия часто бывали у Сталина в мае-июне 1941 года. Они лично докладывали разведывательные и контрразведывательные материалы. Однако самые убедительные данные о сроках нападения появились за два-три дня до начала войны. Их немедленно доложили на самый “верх”. Это были записи разговоров Шуленбурга, который прямо

говорил, что он очень пессимистично настроен в отношении военных планов Гитлера, связанных с Россией. Эта запись легла на стол Сталину и окончательно убедила советское руководство, что война разразится в самое ближайшее время».

Касаясь видных военачальников Г. Жукова и адмирала Н. Кузнецова, Судоплатов считал, что «им не следовало бы упрекать друг друга в пренебрежении данными разведки. Например, Кузнецову, который в записке Сталину излагал сообщение военно-морской разведки о сроках нападения, приписывают вину за организацию руководства о сроках нападения немцев. Дело в том, что Кузнецов действительно сообщал о не подтвердившихся сроках, но, к сожалению, каждый раз цитирование документа в нашей исторической и мемуарной литературе подчинено конъюнктуре. Жуков упрекает Кузнецова в том, что капитан первого ранга Воронцов, наш военно-морской атташе в Берлине, докладывал ему о действиях немецкого командования, опираясь на данные нескольких источников, дававших разные сообщения. Но ведь не процитирован весь документ, где говорится, что источники информации ненадежны и дано задание перепроверить их, после чего эти сведения не подтвердились. О том же самом идет речь и в записках генерала Голикова – что сведения о начале войны, поступавшие в марте-апреле 1941 г., действительно оказались неточными.

Существенное значение имеет и то, что доклады Голикова и Кузнецова весной 1941 г. направлялись Сталину в то время, когда немецкие силы не были еще полностью развернуты на нашей границе и вопрос о немедленном начале военных действий не стоял.

Генштаб верно оценивал возможности противника и делал правильные выводы. По складывающейся ситуации начало военных действий представлялось маловероятным до июня».

Похожего мнения придерживается и известный военный историк М.И. Мельтюхов. В своем уникальном труде «Упущенный шанс Сталина» он пишет: «Анализ доступных материалов по истории советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить руководству материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г. В такой же ситуации оказались и разведки других великих держав, поэтому вряд ли стоит, как это делает Ю.А. Горьков, утверждать, что советская разведка работала плохо как до войны, так и в ее начале. Скорее, ближе к истине мнение В. Сахарова, который считает, что агенты добыли максимально возможный объем информации. Но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, проводимых германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой. Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское руководство».

* * *

По убеждению Судоплатова, «военное руководство и окружение Сталина питали иллюзию, будто мощь Красной Армии равна мощи сил вермахта, сосредоточенных у наших западных границ». И действительно такая иллюзия существовала.

После франко-немецкой войны 1939–1940 гг. над изучением опыта этой войны работала целая группа офицеров Разведуправления Генерального штаба. «Что же нового и поучительного мы нашли у немцев? – писал В. Новобранец. – В оперативном искусстве – ничего нового. Наше оперативное искусство стояло тогда выше немецкого. Метод ведения армейских и фронтовых операций с концентрическими ударами и последующим окружением у нас изучали еще в 1937 г. и даже раньше. Средством развития тактического прорыва в оперативный у нас была конно-механизированная группа (КМП, а у них – танковая армия (4–5 танковых дивизий и 3–4 мотодивизий). Новым было появление танковой армии – большого

оперативно-стратегического танкового объединения. У нас же высшей единицей был механизированный корпус (две танковые бригады и одна стрелково-пулеметная), но накануне войны эти корпуса расформировали. (...) Новым в тактике немцев были строго согласованные действия авиации, танков и артиллерии с пехотой. Авиация, танки и артиллерия сопровождали наступление пехоты и обеспечивали успех».

Но правильно ли был изучен этот опыт? И был ли он изучен вообще?

По мнению профессора В.А. Анфилова, «гигантомания политического и военного руководства в строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла».

Например, одновременное развертывание и формирование соединений и частей в короткие сроки в результате привели к снижению боеспособности Красной Армии. Отсутствие последовательности в работе по повышению мобилизационной готовности приграничных округов также способствовало этому процессу. Соединения и части просто не укомплектовывались до установленных штатов. И все это подкреплялось некоторой «раздвоенностью» в действиях советского политического и военного руководства. Войну ждали и признавали ее неизбежность, но при этом сроки войны искусственно отодвигались.

Выступая на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. начальник Генштаба генерал армии К.А. Мерецков сказал:

– Мы должны в кратчайший срок перестроить нашу армию, действительно довести ее до высокой боевой готовности, добиться такого положения, чтобы мы постоянно по требованию правительства в любое время могли выступить в поход.

Но именно такое стремление перестроить армию в кратчайшие сроки сказалось на всей перестройке армии отрицательно. К слову, на совещании широко рассматривался опыт Гражданской и мировой войн, приводились примеры из боевых действий в Испании, на Хасане и Халхин-Голе, в советско-финляндской войне. Но это был не самый необходимый опыт перед Великой Отечественной войной. Там все теоретически предвидели и многое знали из собственной практики, но до конца не понимали или не хотели понимать современности. Например, в понятие начального периода войны некоторые из выступающих вкладывали то же содержание, как это было в Первую мировую войну, а разработанная современная наступательная операция по докладу Г.К. Жукова отражала насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932–1934 гг.

Выступивший на совещании генерал Д.Г. Павлов в заключение доклада во всеуслышание заявил:

– Но то направление, которое я здесь слышал, оно дает мне право заявить, что сегодня мы стоим на совершенно правильном пути по использованию механизированных корпусов, их взаимодействия с авиацией и мотопехотой...

Эти слова скорее напоминали рапорт перед правительством, нежели истину.

Но что и говорить, если сам нарком обороны Тимошенко допустил совершенную бестактность, когда заявил залу:

– В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового... (!)

Более того, вопреки здравому смыслу он особенно подчеркнул важность кавалерии в современной войне:

– Конница в современной войне занимает важное место среди основных родов войск, хотя о ней здесь, на нашем совещании, мало говорили. На наших обширных театрах найдет широкое применение в решении важнейших задач развития успеха и преследования противника, после того как фронт прорван.

Таким образом, если считать, что на этом совещании и было достигнуто единство взглядов по многим вопросам военного искусства, то времени для устранения множества недостатков, обнаруженных в ходе дискуссий, уже не оставалось.

В мае 1941 г., выступая перед слушателями академий Красной Армии, Сталин заявил:

– В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начала войну и шла первый период под лозунгами освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические. Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Эти лозунги опасные. (...) Поскольку германская армия ведет под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов Германии, такая перемена лозунгов не приведет к победе.

С точки зрения военной, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка.

Существует вполне небезосновательное мнение, что вождь к весне 1941 г. был убежден в силе Красной Армии, в ее мощи. Но именно в этом он сильно заблуждался. Красная Армия только внешне представляла собой гигантский военный инструмент. Об этом говорили значимые цифры о военных расходах и о ежегодном приросте военной продукции. И не только. В июне 1941 г. на одном из совещаний в Кремле Сталин спросил:

– Сколько дивизий у нас расположено в составе четырех западных приграничных округов?

Нарком обороны доложил:

– Всего к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада, – а далее он перечислил их конкретно по округам.

Выслушав доклад, вождь заметил:

– Ну вот разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск. Отсюда преувеличенной оказалась и боеспособность Красной Армии в целом.

Правда, существует мнение, что перед войной Сталину открыли глаза на вооружение армии и он спохватился. Но оборонная промышленность, работая с большим перенапряжением, не могла удовлетворить всех потребностей значительно увеличивающейся армии.

«Время было упущено по вине бездарных людей, руководивших Вооруженными силами долгие годы», – сделал вывод В.А. Анфилов в своем труде «Крестный путь к “белоснежным полям под Москвой”».

* * *

Одним из первых, кто обратил внимание на роль стратегической внезапности в оценках возможного характера начального периода войны, был профессор Военной академии Генерального штаба комдив Г.С. Иссерсон.

Он практически сразу же оговаривался в своем труде «Новые формы борьбы»: «По германо-польской войне, разумеется, нельзя судить о характере большой современной войны, о ее действительном напряжении, длительности и перспективах развития». Но дальше профессор сел нужным отметить следующее: «Эта война представляет, однако, несомненный интерес и имеет большое значение с точки зрения таких проблем, как:

- а) характер вступления в войну;
- б) условия, порождающие маневренную войну;
- в) оперативное применение и возможности современных средств борьбы в особенности авиации и мотомеханизированных войск;

г) перспективы маневренного развития борьбы вплоть до достижения решающего исхода;

д) способы ведения операций».

То есть, несмотря на оговорку, необходимую для режима того времени, Иссерсон называет германо-польскую войну новым явлением в истории. Он пишет: «История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого “армией вторжения”; под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны, то есть еще, как это происходило в 1914 г. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил». Примечательно, что ход событий автор разделил на три фазы.

Кратко ознакомимся с ними. Фаза первая: «Уже в течение первых 48 часов после открытия военных действий было уничтожено не менее одной трети польской авиации, застигнутой врасплох на ее аэродромах... Это сразу отдало германской авиации полное господство в воздухе... (...) мотомехгруппа Гота ворвалась уже на третий день в глубину на 100 км, охватив расположение поляков нар. Варта. (...)»

Польской армии не удалось создать фронта и остановить вращение маневренного вала».

Фаза вторая: «На 5 сентября весь польский фронт, разорванный и расстроенный, дрогнул и стал отходить. Отход начался без всякого плана, без всяких установленных намерений, без всякой перспективы. Он принял поэтому самый неорганизованный характер и проходил самотеком. (...)»

8 сентября бронетанковые части группы Гота подошли к Варшаве. По пути танковая дивизия генерала Рейнгарта опрокинула 21-ю польскую дивизию и одну кавалерийскую бригаду. Эта танковая дивизия первой прорвалась к Варшаве, проникнув в западное предместье города. (...)»

Это был первый пример самостоятельного применения бронетанковых войск, выброшенных сильным ядром далеко вперед фронта». Далее Иссерсон констатирует очевидное: «Весь ход событий показывает, что поляки не имели возможности создать фронт организованного сопротивления и остановить вращение маневренного вала германского наступления. (...)»

а) управление парализовано и выведено из строя; связи с войсками оно больше не имеет;

б) транспорт парализован; все крупные железнодорожные узлы находятся под систематическим бомбардированием с воздуха, подвоза нет и в тылу общий хаос;

в) а главное – в тело всей армии глубоко вонзились острия танковых соединений; между группами отступающих войск они прорвались в глубокий тыл, вплоть до столицы, далеко обогнали отходящие колонны, всюду вышли им в тыл и определили их на всех важнейших рубежах вплоть до Вислы и Сана.

В этих условиях все возможности для организации сопротивления отпадают. Фронт не может быть создан, потому что он уже взорван с тыла. Нельзя ведь ставить забор, если изнутри подрублены его устои. Глубокая операция, как одновременное поражение всей глубины – операционной базы противника, как быстрое распространение удара в глубокий тыл, реально показала свое огромное действенное значение. Она создала возможность непрерывного развития маневренного вала и отняла у отступающего всякие условия для сбора своих сил и организации фронта борьбы.

Решающую роль в достижении этих результатов имел новый способ применения современных средств борьбы, главным образом авиации и самостоятельных мотомехани-

зированных соединений. Германская авиация использовалась двояко: для самостоятельных действий стратегического значения – по аэродромам противника, железнодорожным узлам, путям подвоза и важным объектам в глубоком тылу и для непосредственного тактического содействия своим войскам – по живой силе противника. (...) Действия бронетанковых соединений, как правило, все время поддерживались авиацией. При этом достигалось самое тесное взаимодействие земли и воздуха. (...)

Взаимодействие с авиацией было, несомненно, одной из главных причин успеха германских мотомеханизированных соединений. (...)

Самостоятельное применение бронетанковых и моторизованных дивизий для решения оперативных задач в глубине, далеко впереди фронта общевойсковых пехотных соединений, впервые получило свое практическое применение в германо-польскую войну и сразу придало борьбе характер глубоко отличный от боевых действий прошлых войн. (...)

Оперативное построение германских армий на главных направлениях их наступления состояло из двух эшелонов: 1-го эшелона, который можно было бы назвать авангардным, – из бронетанковых и моторизованных соединений, которые самостоятельно ломали первую линию сопротивления противника, обтекали его фланги, прорывались в промежутках и врывались в глубокий тыл, и 2-го эшелона, который можно было бы назвать главным, – из главной массы общевойсковых пехотных соединений, которые быстро следовали за первым эшелоном, принимая на себя борьбу с главной массой противника, и довершали ее разгром в то время, когда он с тыла был уже атакован прорвавшимися бронетанковыми частями. (...)

Польский фронт не был сплошным, и быстроподвижные соединения имели много возможностей для прорыва в глубину в свободных промежутках. При этом они не заботились об очистке территории от неприятеля и уничтожения отстающих очагов сопротивления. Это все предоставлялось следующей позadi пехоте.

Быстроподвижные соединения сразу выбрасывались вперед на расстояние до 100 км и устремлялись в глубину противника. Ими руководило одно стремление – все дальше вперед, и это в конечном итоге решало исход дела.

Таким образом, – делает вывод Иссерсон, – оперативное взаимодействие двух родов войск нашло свое разрешение. Это придало борьбе совершенно новые, необычные формы.

Во-первых, наступление, которое в прошлом обычно носило характер равномерного продвижения всей линии фронта на данном направлении, приняло форму глубокого вклинения на территорию противника на различных направлениях. Во-вторых, это наступление приняло сразу характер преследования, причем такого, которое обгоняло отходящего, предупреждало его на важных рубежах и выводило в его тыл.

В-третьих, борьба развернулась не на каком-то общем фронте, как это бывало во всех прошлых войнах, а сразу распространялось на большую глубину; она, стало быть, не носила линейных форм и приняла глубокий характер».

И, наконец, фаза третья: «Последние бои на уничтожение не являли собой обычной картины единого сражения в границах одной общей территории. Общего фронта борьбы больше не было. Борьба распалась на отдельные очаги, оперативно не связанные и вполне самостоятельные по своему тактическому назначению.

Таких очагов можно на 10 сентября назвать по крайней мере пять...»

И вот мы подошли к главному. В заключение своего труда Иссерсон писал: «Теория глубоких форм борьбы была сначала встречена с осуждением. Ее сочли романтическим измышлением военных теоретиков. Когда же эти формы были впервые применены в действии, стали утверждать, что в этом нет ничего нового.

Часто бывает, что новая концепция сначала осуждается как фантазия и поэзия; а когда она потом в том или ином виде осуществляется, начинают равнодушно утверждать, что ничего нового не произошло. Германо-польская война была, разумеется, войной нового

типа. (...) по яркости и цельности разыгравшихся событий она вскрыла слишком много нового в формах и способах ведения современной войны. (...)

За это время были применены формы и способы борьбы, которые еще ни разу не были испытаны в действии.

Германо-польская война была первой войной новых форм борьбы в действии.

В этом, несмотря на все ее особые условия, заключается ее историческое значение, ее роль в истории развития военного искусства.

Первое, чем германо-польская война привлекает к себе особый исторический и теоретический интерес, – это ее маневренный характер, в котором она протекала от начала до конца. Опыт этой войны важен в том отношении, что он показал возможность современной маневренной войны вообще и вскрыл условия, которые для этого необходимы. (...)

Таким образом, при почти вчетверо меньшем фронте к концу войны и при вдвое большей армии война в Польше получила все же выраженный и непрерывный маневренный характер. Это показывает, что корни маневренной и позиционной войны скрываются в современную эпоху в иных условиях – в средствах борьбы и в формах и способах их применения.

Германо-польская война вскрыла не только условия, в которых современная война возможна, но также показала:

- возможности, которые для ведения маневренной войны имеются;
- способы, которые нужно для этого применить, и
- формы, которые борьба должна для этого принять. (...)

Моторизация и механизация армии, авиация и новые средства связи (радио) сделали концентрическое наступление отдельных групп войск по внешним линиям опять возможным и притом, как это показали события германо-польской войны, со значительно более быстрым и решающим результатом, чем в прошлом. (...) Основная причина этого заключалась в том, что быстрота современных средств борьбы изменила прежнее значение пространства в операции. (...)

События германо-польской войны показали, что большая подвижность современной мотомеханизированной армии дает возможность значительно скорее объединить отдельные группы войск в решающих пунктах и тем достичь их взаимодействия. (...)

Превосходство в воздухе дает возможность действовать внезапно. А новые средства связи обеспечивают твердое руководство и постоянное взаимодействие разделенных групп войск. В этих условиях операции по внешним линиям получают новые возможности, обеспечивая проведение быстрых и решительных маневров во фланг и в тыл противнику. (...)

Однако одно стало очевидным: ведение решительных операций на окружение и уничтожение обрело новые возможности. (...)

... К концу кампании глубина фронта была больше, чем его ширина. Это явилось совершенно новым явлением в формах вооруженной борьбы, наиболее образно выразившим ее новый глубокий характер».

Словом, по оценке Георгия Самойловича, все разработки военных теоретиков относительно «армии вторжения как первого эшелона, за которым выступает масса главных сил», оказались несостоятельными. В своем труде он сделал весьма важные на тот момент выводы относительно фактора стратегической внезапности и характера начального периода войны. В сущности, все положения, высказанные им, впоследствии подтвердились той катастрофой, которая произошла прежде всего в Белоруссии, в Прибалтике и на Украине после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.

Примечательно, что его труд, несмотря на свою глубину, безусловную оригинальность по тем временам и в некотором роде предостережение, был предан забвению тогда, когда в нем в принципе нуждалось все военное руководство РККА.

Любопытно и то, что на декабрьском совещании 1940 г. в выступлении начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова прозвучала фамилия Иссерсона и название его труда. Вот, что сказал о ней самодовольный военачальник:

– Я просмотрел (!) недавно книгу Иссерсона «Новые формы борьбы». Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто – вторжением готовых сил, как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей. Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск.

Любопытно, что этот генерал, будучи с первых дней войны начальником штаба Северо-Западного фронта уже в июле 1941 г., был освобожден от занимаемой должности и уволен из рядов РККА. Кленов был расстрелян 10 июля 1941 г., ощутив на себе все то, что по непониманию, или же по безграмотности считал преждевременным.

А ведь никто из участников совещания не возразил тогда бездарному сужению Кленова. Следовательно, никто из военачальников не принимал совершенно правильных выводов Иссерсона. Но для России это неудивительно. Потому и судьба ученого человека-пророка, способного принести и приносить огромную пользу своему отечеству, оказалась трагической. Его арестовали 10 июня 1941 г. в Москве. Видного советского ученого, талантливого оператора и автора ряда крупных теоретических трудов («Эволюция оперативного искусства», «Основы глубокой операции», «Основы оборонительной операции», «Новые формы борьбы») обвиняли в принадлежности к антисоветскому военному заговору, в поддержании связи с троцкистами, в голосовании за троцкистскую резолюцию в 1923 г., а также в преступных действиях во время советско-финской кампании. Сначала его приговорили к расстрелу с конфискацией имущества и лишению воинского звания «полковник», но после обжалования вынесенного приговора в кассационном порядке Военная коллегия Верховного суда СССР изменила ему меру наказания, назначив по тем же пунктам десять лет лишения свободы в ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря. – Примеч. ред.) плюс пять лет поражения в политических правах.

Наказание Иссерсон отбывал в Карагандинском ИТЛ. После окончания срока в июне 1951 г. его направили в ссылку в Красноярский край. Там бывший начальник кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба РККА работал мотористом насосной станции, в геолого-разведывательной партии занимался вопросами топографической съемки. Только 1 июня 1955 г. Георгий Самойлович был реабилитирован, а 14 июля освобожден из ссылки. Ему было уже 57 лет. Но за страдания Бог подарил ему еще целых двадцать лет жизни. Полковник Г.С. Иссерсон умер в Москве 27 апреля 1976 года.

2. Дезинформация и лукавство полководца

Бывший начальник советского бюро ТАСС в Берлине И.Ф. Филиппов вспоминал:

«Конец 1940-го и начало 1941 г. проходят в Германии под знаком подготовки к “большой войне”. Проводится мобилизация ресурсов, строгий учет запасов сырья, товаров, продовольствия и рабочей силы. Места многих мужчин на многих производствах заняли женщины...

Геринг объявил всеобщий поход за железным ломом и издал распоряжение о снятии бронзовых колоколов и железных решеток и ставней для “создания требуемых запасов металла”. Кампанию сбора металла открыл Гитлер, сдав на склад металлолома свой бронзовый бюст, подаренный ему Герингом в день рождения...

Начались ограничения в пользовании уличным транспортом. Личные автомобили были конфискованы. Появилось распоряжение властей, которым запрещалось нанимать такси для поездки в театр, в рестораны...

Самым тяжелым для населения было плохое продовольственное снабжение. Готовясь к «большой войне», гитлеровцы создавали огромные резервы продуктов для армии. На ухудшение снабжения в известной мере влияло также переселение значительного числа из восточных областей. Продовольственные нормы были сильно урезаны. На неделю отпускалось: хлеба – 2 кг 400 г, мяса и мясных изделий – 500 г, маргарина – 250 г, сахара – 250 г. Молоко выдавалось лишь детям. Власти ввели нормирование потребления картофеля и сообщили о резком сокращении производства пива.

Многие продукты стало очень трудно достать даже по продовольственным карточкам. Это приводило в сильное расстройство домохозяек...

Продовольственный режим становился все жестче. Из магазинов исчезли пирожные, торты, которые уже давно изготавливались из всякого рода химикалий. Рестораны прекратили отпуск обедов без предъявления «купонен» – продовольственных талонов.

К началу 1941 г. власти значительно сократили выдачу угля для бытовых нужд... Тяжелым ударом для немцев явилось резкое ограничение продажи пива, так как обед многих рабочих и служащих часто состоял из бутылки пива и куса булки...

Но вскоре продажа пива была вовсе прекращена... Тяжело приходилось курильщикам – в киосках выдавалось лишь по 3–5 папирос в одни руки... (...)

Мы на себе чувствовали, что между нами и немецкими официальными лицами образовалась пропасть. Их враждебность к нам начала проявляться буквально во всем.

... Среди германского населения в эти дни господствовало настроение подавленности. Знакомые немцы смотрели на нас вопросительно, как бы желая получить ответ на мучивший их вопрос: будет ли война?»

По другую сторону советско-германской границы происходило тоже что-то не совсем обычное...

«Слухи о том, что скоро придут немцы, особенно широко распространялись среди местных жителей в первой половине июня. Мука, сахар, керосин, мыло, ткани и обувь раскупались нарасхват. Владельцы частных портняжных сапожных и часовых мастерских новые заказы принимали охотно, но выдавать заказчикам их пальто, костюмы, сапоги или часы не спешили.

Особенно задерживались заказы военнослужащих. “Секрет” был очень прост: эти хозяйчики со дня на день ожидали вторжения немцев и думали таким образом обогатиться», – напишет в своих мемуарах генерал-полковник Л.М. Сандалов.

Более того, было замечено оживление спекуляции среди жителей недавно получивших паспорта. Они спешили истратить советские деньги.

В ночь на 11 мая 1941 г. заместитель Гитлера Рудольф Гесс на одноместном самолете вылетел в Великобританию.

Эта весть стала мировой сенсацией. А 26 мая 1941 г. товарищу Сталину поступила записка от старшего помощника наркома иностранных дел СССР, с препровождением письма В.Г. Деканозова. В этом письме говорилось: «Полет Гесса в Англию является, несомненно, одним из наиболее крупных событий в жизни Германии последнего времени. Обстоятельства и подлинный смысл этого полета еще не совсем ясны и вызывают противоречивые и даже противоположные суждения наблюдателей. (...)

По словам американского корреспондента Хасса, близко знавшего Гесса, Гесс был противником сближения Германии с СССР и отъявленным врагом коммунизма. Он полетел в Англию якобы по своей инициативе, “дабы предупредить англичан о бессмысленности борьбы с Германией и о необходимости сохранить силы Германии, которые нужны ей на Востоке”. (Хасс говорил об этом своему соотечественнику.)

Это мнение разделяет помощник морского атташе Швеции Альстрем: “Гесс вылетел, чтобы склонить Англию к миру для совместного удара по СССР” (из беседы с нашим морским атташе тов. Воронцовым). (...)

По сообщению датского военного атташе, за последнее время Гесс открыто высказывал свое недовольство создавшимся положением и стоял за быстрое заключение мира с Англией перед лицом “красной опасности” с Востока. (...)

По мнению американских морских офицеров, высказанному ими 14.05 тов. Воронцову, возможность мира в настоящих условиях исключена. Англия никогда не пойдет на переговоры до разрешения собственных интересов тем более теперь, когда в германском правительстве имеется “трещина”. Как было сказано выше, они объясняют бегство Гесса расколом в партии и правительстве и боязнью Гесса за свою шкуру. (...)

д) Дальнейшее выяснение вопроса даст дополнительные материалы об этом “случае с Гессом”. Сейчас можно сделать пока только тот вывод, что “случай с Гессом” является, с одной стороны, показателем противоречий в германских кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики. С другой стороны, он показывает, как сильны в Германии тенденции договориться с Англией о прекращении войны...»

По линии внешней разведки надежные источники из США и Англии периодически сообщали, что вопрос о нападении Германии на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, ибо вести войну на два фронта Гитлер не сможет.

Сталин, безусловно, знал об этом.

Так, генерал Судоплатов в своих мемуарах подчеркнул: «Анализируя поступавшую в Союз информацию из самых надежных источников военной разведки и НКВД, ясно видишь, что около половины сообщений – до мая и даже июня 1941 г. – подтверждали: да, война неизбежна. Но материалы также показывали, что столкновение с нами зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией».

Но правительство Великобритании не пошло на сговор с Гитлером, а Гесса посадили в тюрьму.

Для Сталина это был весомый аргумент в пользу оттягивания войны. Он не верил другим противоречивым данным разведки.

Из сводки Разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа о сосредоточении немецких войск в приграничных с СССР районах от 5 июня 1941 г.:

«О войсковых частях»

По данным агентуры и других источников, за период с 25 мая по 5 июня группировка германских войск в полосе против ЗапОВО (Западный особый военный округ. – Примеч. ред.) увеличилась на 2–3 пехотные дивизии и на 5 июня 1941 г. определяется в 29–30 пехот-

ных дивизий, 2–4 мотодивизии, одна кавдивизия и две кавбригады, 3–4 зенитных артполка, 2–3 тяжелых артполка, три авиаполка, до 4 саперных полков и, предположительно, две бронедивизии СС. (...)

Наблюдение за советской территорией (по данным войскового наблюдения)

24 апреля в районе Гуттен (10 км западнее Граево) две группы офицеров в составе 3–5 человек, с картами, ходили вдоль границы и вели наблюдение за нашей территорией.

5 мая с водонапорной башни ст. Прошткен вели наблюдение 15 офицеров за нашей территорией. (...)

Интенсивная подготовка театра

На основании ряда проведенных агентурных и других данных подготовка театра в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующим:

Непосредственно на линии госграницы, на огневых позициях, в районах Сувалки, Ольшанка, Малкия, Соколов и в глубине – Варшава, Лодзь, Гродиск, Демблин – отмечены зенитные противотанковые средства. Завоз боеприпасов: 25 апреля на аэродром «Оленце» (Варшава) выгружено 63 вагона авиабомб.

В конце апреля на аэродром Сохачев доставлено 15 вагонов авиабомб, часть из них, предположительно, по 1000 кг.

13 апреля в Варшаву прибыло 59 вагонов пороха, в Рембертов – 16 вагонов, Радом – 12 вагонов, Сохачев – 2 вагона.

По данным радиоразведки, за период с 9 по 14 мая на варшавском аэродроме отмечено более 200 самолетов.

По курсу Калиш, Лодзь, Варшава установлено прибытие 86 самолетов. В Варшаве сосредотачивается крупное соединение. (...)

Вывод:

1. За последнее время немецкое командование непрерывно усиливает группировку войск в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, преимущественно артиллерийскими и авиационными частями, главным образом в районах: Иоганесбург, Прасныш, Млава, Цеханов, Варшава.

Одновременно форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО. (...)

3. Заметно усиливается проведение ряда новых экономических и политических мероприятий германских властей для обеспечения системы военной подготовки плацдарма генерал-губернаторства.

4. Антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры по сравнению с предыдущим периодом...»

Несмотря на такие вот тревожные сообщения, приграничная группировка Красной Армии остается в прежнем положении. Ничего не меняется и в планах ее Генерального штаба. Сталин регулярно получает информацию от своих разведслужб, но никакого движения...

И не потому, что вождь верил Гитлеру. Совсем нет. Войну он ждал. Вот только мифическая информация о значительно превосходящих силах немцев и румын на южном направлении убеждали в т. ч. и вождя в правильном развертывании главных сил танковых и механи-

зированных соединений Красной Армии для отражения главного удара противника на Юго-Западном направлении. Так как действительно предполагалось, что немцам нужны были прежде всего нефть, украинский уголь, запасы зерна для длительной войны с Советским Союзом.

Генерал Судоплатов называет это не иначе как «крупным просчетом нашей разведки».

Он писал: «Неправильная оценка нашей разведкой обстановки в Бессарабии, как мне самокритично рассказывал нарком госбезопасности Молдавии, впоследствии начальник особого отдела Южного фронта Н. Сазыкин, в критический момент начала войны обусловила невысокую эффективность действий войск Южного фронта, несмотря на то, что противник, как оказалось, не имел превосходящих сил. Несомненно, это оказало неблагоприятное влияние на развитие событий на всем Юго-Западном направлении».

Например, в агентурном сообщении из Берлина в апреле 1941 г. прямо говорилось: «Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и потому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию более сговорчивой, необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР и самого Гитлера, чтобы “устранить” препятствия к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы».

А вот телеграфное донесение от военного атташе из Белграда за 9 марта 1941 г.:

«... 1. Германский Генштаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено – захват Украины и Баку, который должен осуществиться в апреле-мае текущего г., к этому сейчас подготавливается Венгрия, Румыния и Болгария.

2. Через Берлин, Венгрию идет усиленная переброска войск в Румынию».

В агентурном сообщении в марте 1941 г. из Берлина сообщалось: «... Тот же информатор сообщает, что начальник Генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успешным операциям будут способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог.

Тот же Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и нефтяных ее промыслов, которые немцы якобы могут быстро восстановить после разрушений от военных действий...»

Все это лично читал товарищ Сталин. Но насколько известно, никто не смог раздобыть для него текст директивы за № 44142/41 по дезинформации противника, утвержденный в ставке фюрера 15 февраля 1941 г. и подписанный начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтелем. Там черным по белому было написано: «1. Несмотря на значительное ослабление приготовлений к операции “Морской лев”..., необходимо делать все возможное для того, чтобы внутри вооруженных сил сохранил, впечатление, что подготовка к высадке в Англию ведется в совершенно новой форме и что подготовленные ранее для этой цели войска отводятся в тыл до определенного момента. Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на Востоке. (...)

4. Чем больше будет скопление сил на Востоке, тем более необходимо делать все для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов. С этой целью Главное командование Сухопутных войск совместно с Управлением разведки и контрразведки Верховного главнокомандования вооруженных сил должно подготовить все необходимое для внезапного «оцепления» определенных районов на побережье проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, и в Норвегии.

(Сигнал для начала действий – условное слово “Альбион”.) При этом не столь важно провести оцепление полностью и вводить в действие крупные силы, сколько произвести сенсацию соответствующими мероприятиями. Проведением этой демонстрации, а также других мероприятий, как-то: установка технического имущества, которое неприятельская разведка может принять за неизвестные до сих пор «ракетные батареи», преследуется одна цель – создать видимость предстоящих «сюрпризов» против английского острова...»

«И все же, если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 г., то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии, – считал П.А. Судоплатов. – Здесь немцы достигли значительно большего результата. Но зато немецкая военная разведка – абвер – эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в приграничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Украину (...)

Весной и в начале июня 1941 г. абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки». При этом любопытно что никто в службе госбезопасности СССР серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе. Вот почему сила удара германской армии во многом оказалась неожиданной!

2 мая 1941 г. посол Германии в Москве Шуленбург доносил в МИД Германии:

«Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрепятственно поступают из Германии и если каждый пребывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты».

Тем не менее в середине мая 1941 г. советская контрразведка зафиксировала факты подготовки германского посольства к отъезду. А в июне сам Шуленбург руководил уничтожением в посольстве в Москве всех секретных бумаг.

Не менее подозрительным было и поведение сотрудников германского консульства в Ленинграде. Днем они резали на мелкие части множество бумаг и документов, а по ночам жгли их в котельной, предварительно облив керосином. Жены сотрудников консульства в эти летние дни всячески торопили портных с выполнением работ или просто просили вернуть свой материал.

Только в советском посольстве в Берлине даже в субботний день 21 июня по-прежнему текла размеренная жизнь. Ничего важного в тот день для его сотрудников не происходило, если не считать, что представителям иностранной прессы бесконечно говорили о близком начале военных действий Германии против СССР и только поэтому некоторые из них не собирались в ближайшие дни покидать Берлин.

21 июня 1941 г. 1 18.27, незадолго до совещания, в кремлевский кабинет вождя вошел Молотов. Сталин тут же сказал:

– Нужно вызвать посла Шуленбурга и спросить о причине участившихся нарушений нашей границы германскими самолетами.

Дать указание Деканозову, чтобы он посетил имперского министра иностранных дел Риббентропа, которому необходимо заявить о нашем недовольстве появившимися слухами о приближении войны между Германией и Советским Союзом. В большей степени они основаны на том факте, что до сих пор со стороны Германии еще не было никакой реакции на сообщение ТАСС от 13 июня. Более того, оно даже не было опубликовано в Германии.

Следует подчеркнуть, что мы не в состоянии понять причин недовольства Гитлера!

* * *

В 19.05 в кабинет вошли Воронцов, Берия, Вознесенский, Маленков, Кузнецов, Тимошенко, Сафонов.

Военно-морской атташе в Германии капитан 1-го ранга М.А. Воронцов по вызову вождя прямо с поезда прибыл в Кремль. Его доклад Сталину продолжался примерно около часа.

Сталин до сих пор помнил его информацию от 6 мая: «Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил (...), что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах. Попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т. к. Бозер от этого уклонился...»

Теперь он сам вызвал его, чтобы услышать из первых уст информацию, которая не давала покоя.

Воронцов рассказывал то, что происходило в Германии в действительности, с каждой фразой, с каждым новым примером или штрихом подтверждая все, что вождю было уже известно.

Внимательно выслушав доклад, он спросил напрямик:

– Товарищ Воронцов, как вы думаете, чем все это дело кончится?

– Товарищ Сталин, это война!

После ответа морского офицера, который, в конечном счете, убедил его в том, в чем не могли убедить различные ведомства и сотни тревожных документов, Сталин на время задумался и лишь потом обратился к наркому обороны:

– То, что говорит товарищ Воронцов заслуживает доверия. Нужно срочно принять все необходимые меры, чтобы фашисты не смогли нас застать врасплох. Это действительно война, которая возможно начнется завтра. Все дело во времени. Отправляйтесь в наркомат, вызовите сюда Буденного и Жукова, а также возьмите с собой все необходимые документы. Времени у вас товарищ Тимошенко очень и очень мало.

* * *

Примерно в это же время Поскребышев вызвал к себе управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева. Секретарь Сталина сидел у открытого окна и постоянно пил из стакана холодный нарзан. Вечер был жарким и душным. В приемной, несмотря на открытые окна, движение воздуха отсутствовало. (Здесь и далее по воспоминаниям Я.Е. Чадаева. – Авт.).

Когда Чадаев взял очередное решение правительства к исполнению и положил в папку, то не без хитрости поинтересовался:

– Что-нибудь есть важное?

– Предполагаю, да, – почти шепотом ответил Поскребышев. – «Хозяин» только что в возбужденном состоянии разговаривал с Тимошенко... Видимо, вот-вот ожидается... Ну, сами догадываетесь что... нападение немцев...

– На нас? – с удивлением спросил Чадаев. – А на кого же еще?

– Подумать только, что теперь начнется...

– А теперь, пожалуй, сбудется. Уж сегодня очень что-то забеспокоился «хозяин»: вызвал к себе Буденного и Жукова и только что разговаривал с Тюленевым. Спрашивал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны...

Ровно в 20.50 в кабинет Сталина вошли маршалы Буденный и Тимошенко, а также генерал армии Жуков.

Совещание продолжалось. Информацию Воронцова подтверждали доклады из приграничных округов.

Маршал Советского Союза Буденный тогда записал в своем дневнике: «В 1941 г. 21 июня в 19 часов в кабинет И.В. Сталина были вызваны Тимошенко (нарком обороны), Жуков (начштаба РККА) и я (зам. наркома обороны по тылу). И.В. Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя войны, могут напасть на нас завтра, то есть 22 июня, а поэтому, что мы должны и можем предпринять сегодня же и до рассвета 22.06.41 г. Тимошенко заявил, что “если немцы нападут, то мы их разобьем на границе, а затем на их территории”. И.В. Сталин подумал и сказал: “Это несерьезно”, обратился ко мне и спросил: “А вы как думаете?” Я высказал свои мысли. Тогда И.В. Сталин сказал: “Ваши соображения правильные, и я беру на себя разговор по вопросу авиации с комвойсками округов, а наркому и штабу дать указания округам. Вы знаете, что у нас сейчас делается на границе?” Я ответил, что нет, не знаю. “А почему вы не знаете?” Я ответил, что ведаю тылом армии, а оперативными вопросами, вооружением ведает нарком и штаб, меня до этой работы не допускают. “Это глупо, почему вы не сказали раньше?” Я ответил: “Полагал, что такая установка дана свыше”. Оказывается, нарком обороны делает оборонительную линию по всей новой (после 1939 г.) границе и вывез все вооружение из бывших укрепленных районов по границе... После этого обмена мнениями Сталин “попросил собрать Политбюро. На нем Сталин предложил образовать особый фронт, подчинив его непосредственно Ставке, и назначить Буденного командующим фронтом, а членом Военного Совета фронта т. Маленкова Г.М.

...После принятия решения я пошел прямо к себе на работу и приступил к формированию штаба фронта. Тимошенко и Жуков мне начальника штаба не дали, а я просил т. Соколовского, с которым работал три года в Московском военном округе”».

Тут же на совещании был подготовлен черновик постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации фронтов и назначениях командного состава».

Вот этот документ:

«21 июня 1941 г.

Особая папка.

I

1. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием Военного совета в Виннице.

2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО (Московский военный округ. – Примеч. ред.).

3. Членам Военного совета Южного фронта назначить т. Запорожца.

II

Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного совета Южного фронта назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III

1. Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.
2. Членом Военного совета армии второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.
3. Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному организовать штаб, с местопребыванием в Брянске...

IV

Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами, с выездом на место.

V

Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом, с выездом на место.

VI

Назначить членом Военного совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) т. Кузнецова».

(На этом документе, кроме пометок и исправлений, имеется автограф Маленкова.)

Таким образом, на совещании у Сталина 21 июня 1941 г. было подготовлено постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Никакого другого документа и тем более директивы № 1 там не писали. Указание подготовить директиву в войска о предупреждении германского нападения Тимошенко и Жуков получили устно.

В 22.20 Маленков, Тимошенко, Жуков, Буденный и Мехлис (вошел в 21.55) вышли.

* * *

Около 23.00 адмирала Кузнецова вызвал Тимошенко. Быстро сложив в папку последние данные о положении на флотах, они вместе с начальником Главного морского штаба В.А. Алафузовым отправились к наркому обороны. Когда вошли в кабинет маршала, на часах было 23.00. Тимошенко в расстегнутом кителе ходил по кабинету и что-то диктовал. Было очень душно, и тяжелые гардины едва шевелились под слабеньким ветерком через все открытые окна. Начальник Генштаба сидел за столом и записывал под диктовку.

Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиogramм. Тимошенко, заметив вошедших, остановился.

– Завтра возможно нападение на нас Германии, поэтому флоты нужно привести в полную боевую готовность, – проинформировал Кузнецова Тимошенко и тут же добавил, чтоб было ясно:

– Приказание привести войска в состояние боевой готовности для отражения ожидающегося вражеского нападения, я получил лично от «хозяина». Теперь вот пишем телеграмму в войска, ознакомьтесь, – и он показал адмиралам ее пространный текст на трех листах, который и писал Жуков.

Кузнецов быстро глазами пробежал ее содержание...

«Военным советам ЛВО (Ленинградский военный округ. – Примеч. ред.), ПриБОВО (Прибалтийский особый военный округ. – Примеч. ред.), ЗапОВО, КОВО (Киевский особый военный округ. – Примеч. ред.), ОдВО (Одесский военный округ. – Примеч. ред.).

Копия: Народному комиссару Военно-морского флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава.

Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.6.41 г. Тимошенко

Жуков».

Закончив читать директиву, нарком ВМФ уточнил:

– Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

– Разрешаю, – ответил Тимошенко.

Тут же Кузнецов повернулся к контр-адмиралу Алафузову и тихим голосом приказал:

– Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности. То есть о готовности номер один. Бегите.

И когда начальник штаба убежал, Кузнецов поинтересовался у Тимошенко:

– Правильно ли я понял, что нападение можно ждать в эту ночь.

– Да, правильно, в ночь на 22 июня.

К слову, одному адмиралу Кузнецову удалось тогда осуществить невозможное. Прямо из кабинета Тимошенко он дал указание отправить установленным паролем на флоты и флотилии о немедленном переходе на оперативную готовность № 1. То есть приказал занять полную боевую готовность сил флота к применению оружия.

Директива наркома ВМФ № 3Н/87 была отправлена в 23.50.

Но дело еще и в том, что в повышенной боевой готовности (№ 2) Военно-морской флот уже находился еще с 19 июня 1941 г.

Более того, когда Кузнецов вернулся в свой кабинет, он обзвонил всех командующих и лично сам перевел флоты и флотилии на оперативную готовность номер один. То есть еще раз подстраховался, не дожидаясь получения телеграммы. А в 00.12 22 июня 1941 г. отправил вторую директиву за № 3Н/88, в которой говорилось:

«В течение 22.6./23.6. возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача: не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев или их союзников.

Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещается. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Забегая вперед, можно отметить, что в ночь на 22 июня 1941 г. и в первый день войны Военно-морской флот не потерял ни одного военного корабля, ни одного самолета.

Зато директива Тимошенко и Жукова в округа была отправлена только в половине первого ночи 22 июня 1941 г., и в войсках ее получили очень поздно. Например, в штабе Западного особого военного округа (ЗОВО) ее получили в 01.45, а в штабы армий отправили только в 02.25–02.35. Вместо ранее установленного сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел

зашифрованный документ. А так как на расшифровку в округах и новую шифровку, и затем опять расшифровку в армиях потребовалось, в общей сложности, несколько часов, то до многих соединений его так и не успели донести.

В мемуарах о подготовке этого документа Г.К. Жуков утверждал следующее:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом в Кремль, – сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли нам немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

– Что будем делать? – спросил И.В. Сталин. Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

– Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота».

А ведь красиво получилось у Георгия Константиновича! Когда были написаны его мемуары, генерала армии Ватутина уже не было в живых, а маршалу Тимошенко выгоднее было молчать...

* * *

Как известно, одной из главнейших задач военачальника является знание противника. При том он должен правильно представлять его замыслы и постоянно работать с предположением, категорически отбрасывая ложное, чтобы приблизиться к истине.

Перепроверка развединформации и ее сопоставление, как правило, помогает военачальнику проникнуть в замыслы противника. Оценив которого, он только после этого приступает к объективной оценке своих войск. Несмотря на набившие оскомину утверждения, что Сталин не верил в нападение Германии, это неправда. Сталин знал и как глава госу-

дарства, и как политик, и как Верховный главнокомандующий в последний мирный день отдал соответствующие распоряжения. Другое дело нарком обороны и начальник Генштаба. Получив указание от вождя в устной форме на приведение войск приграничных округов в полную боевую готовность, они проявили преступную медлительность и халатность. Так как облаченные огромной властью и полномочиями они не смогли проявить инициативу и решительность, какую обязаны были проявить военачальники самого высочайшего ранга. В отличие от них нарком ВМФ поступил в высшей степени профессионально, абсолютно в соответствии со своим воинским званием и занимаемой должностью. Проявив необходимую твердость, он сумел взять на себя тот непосильный, как оказалось это для иных, груз ответственности. В результате отсутствие штампов и изобретательность в ускорении принятия решения сыграли свою, самую что ни на есть, положительную роль. ВМФ избежал катастрофы 22 июня 1941 г.

Таким образом, вина маршала Тимошенко и генерала армии Жукова в известной катастрофе приграничных округов в первые дни войны поистине огромна. Они сделали не все, что от них зависело. И если маршал Тимошенко не оставил нам мемуаров, в том числе и по этой причине, то маршал Жуков, перекладывая в своих мемуарах главную вину на Сталина и оправдывая вместе с собой наркома обороны, абсолютно не искренен.

Безусловно, понять его можно, ведь задним числом ему хотелось подправить исторические события и снять прежде всего с себя часть этой вины. И надо сказать, что до сих пор ему это удавалось. И лишь теперь все становится на свои места.

К слову, впервые с ложью маршала Победы я столкнулся, когда работал над биографией генерала Власова. В мемуарах Георгий Константинович несколько обмолвился о двухсторонней оперативно-стратегической игре на картах в январе 1941 г. В частности, там он писал: «Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовительных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе».

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона – свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) – свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 г., когда на Советский Союз напала фашистская Германия... (...) Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.Л. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

– Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск».

Но как оказывается, все было несколько не так. По условиям первой игры «западные» 15 июля 1941 г. осуществили нападение на «восточных», а к 23–25 июля достигли рубежа Шяуляй, Каунас, Лида, Скидель, Осовец, что в 70–120 км от государственной границы. Затем по заданию «восточные» нанесли удар к 1 августа и отбросили противника с указанного рубежа в исходное положение.

Лишь с этого положения разыгрались дальнейшие действия сторон.

Во второй игре: Юго-Восточный фронт «западных» после вторжения на территорию «восточных» на рубеже Львов, Ковель, что в 50–70 км от государственной границы, был встречен «сильным контрударом «восточных»». «Противник потерял до 20 пехотных дивизий и к 8 августа 1941 г. отошел на заранее подготовленный рубеж». Вот только каким образом «восточным» удалось не только отбросить противника к государственной границе и частично перенести боевые действия на его территорию, до сих пор остается загадкой! Дело

в том, что Юго-Западный фронт «восточных» во второй игре армиями правого крыла вышел на реках Висла и Дунаец, продвинувшись на глубину 90-180 км западнее государственной границы.

Сам собой напрашивается вывод: на этих играх их участники совершенно не рассматривали ситуацию, которая могла сложиться в первых операциях в случае нападения противника. И как факт: вопросы, связанные с действиями в начальный период войны, в учебных целях этих игр не значились, а потому и не рассматривались. Все это стало известно благодаря официальной справке об оперативно-стратегических играх, подготовленной группой военных историков Института военной истории Министерства обороны в 1993 г. под руководством генерала В.А. Золотарева.

Уже после войны маршал Жуков рассказал в беседе писателю К. Симонову про игру следующее: «В этой игре я командовал “синими”, играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал «красными», нашим Западным фронтом. На Юго-Западном ему подыгрывал Штерн. Взяв реальные исходные данные и силы противника – немцев, командуя “синими”, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились так, как они потом сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка – все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темпы продвижения “синих”, придерживало его. Но «синие» и на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Почему полководец и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков лукавил в этой беседе с писателем теперь понятно. Он придерживался своей мемуарной версии. Можно допустить, что какие-то моменты за давностью лет он просто запомнил, но ведь в целом все было абсолютно не так. Может быть, Георгий Константинович думал, что потомки никогда не прочитают документы этой игры? Может быть! Тем более что сладкая ложь всегда приятнее горькой правды! Увы, суд истории вечен. И как раз это обстоятельство не учел наш полководец.

Писатель В. Карпов в своей первой книге трилогии «Маршал Жуков», касаясь учебных игр 41-го, пошел по ложному пути вслед за маршалом: «Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности «западные», например, наносили удар силами до 140–150 дивизий. Жуков, командуя «западными», расположил свои силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига-Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда «восточные» нанесли ему контрудар и стали теснить назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступление.

Обычно на всех играх побеждали «красные», посредники и руководитель учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, «восточных» войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направил свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям «красным».

Жуков «нанес» такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех на стороне «западных».

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 г. Здесь тоже Жуков командовал “западной” стороной, а Павлов – “восточной”. Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья и после преследования противника, форсирования р. Вислы.

Во второй игре в исходной обстановке противником было дано равенство сил, причем “восточным” предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения “западных”, но Жуков сумел, создал сильные резервы, не допустить этого окружения».

Здесь уважаемый писатель и ветеран войны несколько поправил Г.К. Жукова и указал на две игры, но суть от этого ничуть не изменилась. Видимо, В. Карпов сложил воедино рассказ Жукова с некоторыми подробностями двух игр. Поэтому и получилось не то, как было на самом деле.

Во-первых, руководил играми – нарком обороны Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а вместе с ним в первой – 15 генералов (в т. ч. бригадир-генерал) и три маршала, а во второй – 11 военачальников, включая трех маршалов.

В первой игре «восточными» («красными») командовал командующий Западным особым военным округом Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов (в группе 24 генерала, 1 контр-адмирал и 3 старших офицера).

«Западными» («синими») командовал командующий Киевским особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Г.К. Жуков (в группе 18 генералов, 1 контр-адмирал и 2 старших офицера).

Во второй игре «восточными» командовал Г.К. Жуков (в группе 29 генералов), а «западными» – Д.Г. Павлов (18 генералов).

Во-вторых, как мог генерал Жуков в первой игре отвести свои войска, усилить их резервами и перейти в наступление, если «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23–25 июля достигли рубежа Каунас, Лида, Скидель, Осовец, но затем под ударами «восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.564, л.32,34; д.365, л.13) и уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. Таковы были условия игры.

В-третьих, во второй игре генерал Жуков командовал уже не «западными», а «восточными». И тут нечто вроде истины, но уже исторической: «Юго-Восточный фронт “западных” после вторжения на территорию “восточных” на рубеже Львов, Ковель был встречен «сильным контрударом “восточных”... и, потеряв до 20 пд, к исходу 8.8.1941 отошел на заранее подготовленный рубеж (РГВА.Ф. 37977, оп. 5, д. 570, брошюра 14, л.1–2)». Вот только теперь, и то условно, победил Г.К. Жуков, но как было сказано выше, до сих пор непонятно, каким образом ему («восточным») удалось не только отбросить противника к госгранице, но местами и перенести военные действия на его территорию?

В-четвертых, вопросы действий войск в начальный период войны в учебных целях игр не значились и не рассматривались. А значит, лукавил в мемуарах и в беседах Г.К. Жуков. К сожалению, повторил это лукавство и писатель В. Карпов.

Согласимся, что между тем, что говорят и тем, что было на самом деле, разница значительная. Так, где же истина?

Созданные в играх группировки войск сторон соответствовали утвердившимся осенью 1940 г. взглядам советского стратегического руководства, согласно которым Германия с целью захвата Украины может сосредоточить свои главные силы (110–120 пехотных дивизий, основную массу танков и самолетов) на юге в районе Седлец, Люблин для нанесения главного удара в общем направлении на Киев, а из Восточной Пруссии, где будет сосредоточено 50–60 немецких пехотных дивизий, может последовать вспомогательный удар.

Специалисты Института военной истории установили: «В документах первой игры так и указывалось, что Северо-Восточный и Восточный фронты “западных” (до 60 пехотных

дивизий), действующие к северу от Демблина до Балтийского моря, предприняли наступление “в интересах главной операции”, проводимой к югу от Бреста, где развернуты главные силы “западных” – до 120 пехотных дивизий, а вместе с их союзниками – до 160 пехотных дивизий (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.564, л.32).

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными “западными”, то есть Германией не намечался.

Обращает на себя внимание и такой факт: в обеих играх действия сторон на направлениях Брест, Барановичи (Восточный фронт “западных”) и Брест, Варшава (Западный фронт «восточных») не разыгрывались. Между тем и в планах советского стратегического руководства, и в документах первой игры отмечалась опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.569, брошюра 5, л.238). Известно, что удары гитлеровцев именно из этих районов в начале Великой Отечественной войны привели к окружению советских войск в Белостоком выступе».

* * *

Но вернемся в кремлевский кабинет вождя. Последними от него в 23.00 вышли Молотов, Воронцов (находился почти 4 часа), Берия. В последующие два часа Сталин, по обыкновению, занимался государственными делами, отдавая распоряжения по телефону. Например, московским руководителям Щербакову и Пронину он приказал задержать секретарей райкомов партии, которым было запрещено выезжать в город. «Возможно нападение немцев», – лично предупредил он.

А около часа ночи уехал на дачу в Кунцево и лег спать...

3. Первый день войны

В час ночи 22 июня 1941 г. командующего Белорусским особым военным округом генерала армии Д.Г. Павлова срочно вызвали в штаб. На нем был китель цвета хаки с ромбовидными петлицами красного цвета и пятью металлическими золочеными звездочками на каждой из них. На груди красовались медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, три ордена Ленина, два Красного Знамени, медаль «XX лет РККА» и депутатский значок. В свой кабинет он вошел с величественным видом, который подчеркивали гладко выбритая массивная голова, жестковатое с крупными чертами лицо и ширококостная фигура с чертами недавно появившейся респектабельности. Из Москвы на связь вышел сам нарком.

– Ну, как у вас, спокойно? – поинтересовался маршал Тимошенко.

– Очень большое движение немецких войск, товарищ нарком, наблюдается на правом фланге. По донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов-Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта меня особенно беспокоит группировка «Бялоподляска», – привычным голосом доложил командующий.

В трубке наступила пауза, а затем твердый голос наркома как-то необычно распорядился:

– Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но, смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации – позвоните.

Выполняя указание, генерал Павлов тут же вызвал к аппарату «ВЧ» всех командующих армий, которым приказал явиться на рабочие места вместе с начальниками штабов и оперативных отделов.

Дмитрий Григорьевич Павлов родился в 1897 г. в крестьянской семье деревни Вонюх Костромской губернии. В 1916 г., будучи старшим унтер-офицером, раненным попал в плен. Через три года вступил в Красную Армию и в 1920 г. окончил Костромские пехотные курсы. Командовал взводом, эскадроном, был помощником командира полка. Учился в Омской военной школе и командовал 10-м кавалерийским полком. В Горном Алтае воевал с атаманами, а с 1923 г. в Туркестане с басмачами.

Три года учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1929 г. командовал полком в боях на КВЖД. В 1931 г. учился на Ленинградских курсах технического усовершенствования, а по их завершении назначается командиром 6-го механизированного полка 6-й мехбригады. Следует обратить внимание на то, что командование полками для Павлова затянулось на очень долгий срок. В сущности, до 1936 г., когда он уехал в республиканскую Испанию главным советником танковых войск. Именно там, где война была абсолютно далека от масштабов современной войны, Дмитрий Григорьевич становится знаменитым. Звание Героя, воинское звание ком кор и два высоких ордена вознесли командира полка на должность заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА. А через три месяца уже на должность начальника. К слову сказать, боевой опыт в Испании преувеличивали и перевозносили. На самом же деле танки в этом конфликте использовались обычно малыми группами или вообще в одиночку. А в сущности, усиливая пехоту, они не могли внести в природу современного боя ничего нового. Как писал Г.С. Иссерсон, «современная танковая атака, поддержанная всеми средствами борьбы, не получила в Испании своего осуществления и не могла ее там получить из-за недостатка в необходимом количестве и качестве машин». Однако тогда в советском военном, да и политическом руководстве так не считали. В финской кампании Павлов командовал Резервной группой всего полтора месяца, а с 8.02 по 29.02

находился в подчинении командующего войсками Северо-Западного фронта. И там его боевой опыт оказался еще более сомнительным. Тем не менее в 1940 г. Сталин присваивает ему звание генерал-полковника и назначает его командующим войсками Белорусского военного округа (с июля 1940 г. Западного особого ВО).

* * *

В обычный субботний вечер 21 июня бойцы и командиры частей Западного особого военного округа находились на отдыхе. Одни смотрели кинокартины, другие спектакли и выступления коллективов художественной самодеятельности. А в это время во дворе Брестской крепости под звуки оркестра производился развод караулов. В хорошем настроении командование округом во главе с Павловым слушало в Доме офицеров оперетту «Свадьба в Малиновке», а командование 4-й армии, разделившись на две группы, вместе с семьями слушало в Бресте оперетту «Цыганский барон» и в Кобрине – концерт художественной самодеятельности.

* * *

Директиву № 1 Западный особый военный округ получил в 22.06 в 1.45.

Командующим 3-й, 4-й, 10-й армиями, то есть в войска, ее отправили 22.06 в 2.35. В момент получения директивы командующий округом принимал доклады. Вот как он сам рассказывал об этом следователю после ареста: «Согласно указанию наркома, я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные.

На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данных указаний, патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятию сооружений.

Командующий 10-й армией Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руководства войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений.

Коробков – командующий 4-й армией – доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказа немедленно». Но можно ли верить словам Павлова, если, по воспоминаниям начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова, «отовсюду поступали сведения об изготовившихся на западном берегу Буга немецких войсках. Доносили об этом в штаб округа, но оттуда не следовало никаких распоряжений.

– Я как командующий армией имею право поднять по боевой тревоге одну дивизию. Хотел было поднять 42-ю, но посоветовался с Павловым, а он не разрешил, – сказал Коробков».

Еще более фантастическим выглядит утверждение Павлова, что явившиеся к нему в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили... что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО.

Этот разговор с командующими происходил примерно около двух часов ночи.

Около 3 часов 30 минут Павлову снова позвонил нарком обороны и спросил:

– Доложите, что нового?

– Нового ничего нет, – ответил командующий округом. – Связь с армиями у меня налажена товарищ нарком и соответствующие указания командующим даны. Но есть вопрос.

– Говорите.

– Вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином «НЗ» и заменить моторы за счет моторов «НЗ», я такое распоряжение отдал Копцу и Таюрскому.

– Хорошо, – сказал Тимошенко и положил трубку.

Почти за час до вторжения в 3 часа 10 минут 22 июня 1941 г., начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку в Разведуправление РККА, в которой сообщалось: «1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗаОВО заняла исходное положение. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе».

Уже в 2 часа ночи начала действовать вражеская агентура. В некоторых районах Бреста и на железнодорожной станции погас свет и вышел из строя водопровод. Еще через несколько минут произошла авария на электростанции в Кобрине. А через полчаса прекратилась проволочная связь штаба 4-й армии со штабом округа и со всеми войсками.

Только через час она была восстановлена. В 3 часа 30 минут генерала Коробкова к телеграфу вызвал командующий округом. Как вспоминал начальник штаба армии генерал Л.М. Сандалов, «узел связи штаба армии находился в подвале. Здесь при свете керосиновых ламп собрались почти все ответственные сотрудники штаба. Командующий округом сообщил, что в эту ночь ожидаются провокационные нападения немецко-фашистских войск на нашу территорию. Но категорически предупредил, что на провокацию мы не должны поддаваться. Наша задача – только пленить прорвавшиеся немецкие войска. Государственную границу переходить запрещается».

На вопрос командующего армией, какие конкретные мероприятия разрешается провести, Павлов ответил:

– Все части армии привести в боевую готовность. Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю дивизию для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского укрепрайона скрытно занимайте доты. Полки авиадивизии перебазировать на полевые аэродромы. До 4 часов командарм успел лично передать по телефону распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона. А в 4 часа утра немцы уже открыли артиллерийский огонь по Бресту и крепости». Когда в 4 часа 15 минут начальник штаба 42-й стрелковой дивизии докладывал, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста, в эти самые минуты заканчивался прием из штаба округа директивы № 1.

До 4.00 командующий округом генерал армии Павлов все еще принимал доклады от командующих армиями. Так из 10-й доложили, что «все спокойно». Из 4-й: «Всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». Из 3-й: «Ничего нового не произошло».

Самым первым поступил доклад по телефону от генерала Кузнецова, который доложил:

– На всем фронте артиллерийская и оружейно-пулеметная перестрелка. Над Гродно до 50–60 самолетов бомбят штаб, я вынужден уйти в подвал.

– Вводите в дело «Гродно-41» и действуйте не стеснясь, заняв со штабом положенное место, – приказал Павлов.

Когда генерал Коробков докладывал Павлову после 4.00 о спокойствии на своем участке, он еще не знал, что немцы бомбят Брест и крепость. Только через несколько минут он передал:

– На Кобрин налетела авиация, на фронте страшная артиллерийская стрельба.

– Вводите в дело «Кобрин-41», начинайте действовать с полной ответственностью.

Все доклады из армий Павлов тут же доложил наркому обороны.

– Действуйте так, как подсказывает обстановка, – коротко ответил маршал Тимошенко.

* * *

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В Западном особом военном округе войска первого и второго эшелонов армий прикрытия дислоцировались в пунктах постоянной дислокации. Наиболее дееспособные войска армии находились в белостокском выступе вблизи границы в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150–400 км от госграницы) к государственной границе выдвигались стрелковые корпуса 2-й (100-я, 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55-я, 121-я, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17-я, 37-я, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й, 113-я стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которое планировалось для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве.

Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения, 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны. Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окружном лагере под Минском.

Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые войска из дивизий первого эшелона.

Всего имелось 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В соответствии с планом «Барбаросса» против войск Западного фронта начала наступление группа армий «Центр» с тем, чтобы окружить и в последующем уничтожить советские войска в районе между Белостоком и Минском.

ВВС Западного ОВО состояли из 9-й (Белосток), 10-й (Кобрин), 11-й (Лида) смешанных авиационных дивизий, 12-й (Витебск) и 13-й (Бобруйск) бомбардировочных авиадивизий, 43-й (Болбасово) истребительной авиадивизии, 313-го (Слепянка) и 314-го (Барановичи) отдельных разведывательных авиаполков, 9 эскадрилий корректировочной авиации. В стадии формирования находились 59-я и 60-я истребительные и одна бомбардировочная дивизии. Всего имелось 1789 самолетов: 870 истребителей, 695 бомбардировщиков, 70 штурмовиков, 154 разведчика. Кроме того, в состав ВВС округа входил 3-й дальнебомбардировочный авиакорпус (Смоленск), состоявший из 52-й (Шаталово) и 42-й (Боровское) дальнебомбардировочных авиадивизий (295 самолетов).

Для решения поставленных задач группа армий «Центр» имела 2 танковые группы и 2 полевые армии, в составе которых насчитывалась 51 расчетная дивизия. 8 дивизий противника были сконцентрированы на участке в 70 км для удара в стык 10-й и 4-й советских армий. На участках прорыва противнику удалось достичь 3-4-кратного превосходства. Над советскими войсками авиационная поддержка группы армий осуществлялась 2-м воздушным флотом, имевшим в своем составе более 1200 самолетов.

* * *

Первый доклад о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов прозвучал от командующего Черноморским флотом адмирала Ф.С. Октябрьского. Вот

как об этом вспоминал маршал Жуков: «Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете в наркомате обороны.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС (имеется в виду Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. – Примеч. ред.) флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала Управления охраны.

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно: немцы бомбят наши города! Несколько мгновений длится молчание.

Наконец в трубке глухо ответили:

– Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит по ВЧ с Киевским округом.

– Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро». Так всегда рассказывал Георгий Константинович, предпочитая не изменять одной версии, которой, впрочем, никто и никогда не возражал. Но вот появились дневники Буденного, и все встало на свои места. Цитирую: «В 4.00 22.06.41 г. мне позвонил нарком т. Тимошенко и сообщил, что немцы бомбят Севастополь. И нужно ли об этом докладывать Сталину? Я ему сказал, что немедленно надо доложить, но он попросил: “Звоните вы”. Я тут же позвонил (уже из кабинета наркома) и сообщил не только о Севастополе, но и о Риге, которые немцы тоже бомбят.

Вечером 22-го мы с Маленковым выехали в Брянск».

Когда Сталин появился в Кремле, все обратили внимание на его заспанный вид. Рябое лицо осунулось, и было заметно его подавленное настроение. Уставший, утомленный и грустный, он все же легким движением руки ответил на приветствие управляющего делами правительства Я.Е. Чадаева. На часах было 5 часов 30 минут.

Заседание Политбюро началось в 5 часов 45 минут утра. В это время в кабинете вождя собрались Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков. Только в 7.30 подошли Маленков и Вышинский, в 7.55 Микоян, в 8.00 Каганович и Ворошилов.

Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руке не набитую табаком трубку. После доклада обстановки наркома и начальника Генштаба он неожиданно спросил:

- Не провокация ли это немецких генералов?
- Немцы бомбят наши города. Какая это провокация? – ответил Тимошенко.
- Надо срочно позвонить в германское посольство, – сказал Сталин.

После звонка там ответили, что господин посол просит принять его для срочного заявления. Когда Молотов вышел принять его в своем кабинете, генерал Н.Ф. Ватутин доложил о том, что германские сухопутные войска после сильного артиллерийского огня перешли границу на ряде участков северо-западного и западного направлений. Эту информацию доложили Сталину и попросили разрешить дать войскам приказ – немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

– Подождем возвращения Молотова, – ответил вождь. Было уже около 7.00, когда вошел Молотов и с порога громко сказал:

- Германское правительство объявило нам войну!

Сталин тут же присел на стул и задумался. Наступила, как показалось присутствующим, тяжелая пауза. Молчали все. Тишину нарушил Тимошенко, предложив немедленно обрушиться на противника всеми имеющимися в приграничных округах силами.

– Давайте директиву, – сказал Сталин, поднявшись со стула. В 7 часов 15 минут 22 июня директива Главного военного совета за № 2 была отправлена в войска.

«Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия нар. ком Воен. мор. флота.

22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков».

Например, в штаб 4-й армии она поступила только в 18 часов. В это время немецкие танковые дивизии углубились на советскую территорию на 25–30 км.

Следует отметить, что в это время Сталин был введен в заблуждение докладами военных, которые не знали истинной обстановки в приграничных округах. Точно так же, как не знали ее командующие фронтами. Он не мог себе даже представить, как обманули его военачальники. Зная о нападении Германии, он дал им соответствующие распоряжения, но нарком и начальник Генштаба проявили преступную халатность и не успели привести войска в высшие степени боевой готовности. Сталин не знал, что хваленая и гигантская по своим масштабам Красная Армия не способна обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. При этом его колебания и сомнения по поводу начала войны не имеют к этому никакого отношения. Он не приказывал: не стрелять! Он

не приказывал не оборонять советскую границу. Наконец, он не давал распоряжений молча наблюдать за движением, пусть даже и провокационным, наступающей германской армии. Он сомневался в глупости Гитлера, но при этом был уверен, что Красная Армия сдерживает врага на установленных ей для этого рубежах.

* * *

Боевое донесение штаба Западного особого военного округа начальнику Генерального штаба Красной Армии за № 001/оп 22 июня 1941 г. было отправлено в 4 часа 20 минут.

В нем говорилось:

«Первое: 3-я армия – до 60 самолетов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушные бои.

Второе: 10-я армия – группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал.

Третье: 4-я армия – в 4.20 началась бомбежка Бреста. Количество не выяснено.

Четвертое: по всей границе, по данным постов ВНОС, – артиллерийская перестрелка.

Пятое: приказано поднять войска и действовать по-боевому.

Начальник штаба Западного особого военного округа.

Генерал-майор Климовских».

Но только в 5 часов 25 минут генерал армии Павлов отдал своим войскам приказ: «Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями.

Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю:

Поднять войска и действовать по-боевому».

Вполне вероятно, что этот приказ войска не получили, т. к. проводная связь была выведена из строя немецкими диверсантами, а радиостанции на узлах связи были разбиты под ударами немецкой авиации.

* * *

Несмотря на то что Павлов после доклада наркому обороны отдал распоряжение штабу вступить в связь. Эта связь (ВЧ) со всеми армиями была прервана.

Около 5 часов по междугородному телефону обходными линиями обстановку доложил командующий 3-й армией Кузнецов:

– Войска противника сдерживаются. Сопецкий весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба. На этом участке противник перешел в наступление. Пока атаки отбиваем.

Около 7 часов прислал радиogramму командующий 10-й армией Голубев: «На всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка, и все попытки противника углубиться на нашу территорию отбиты».

Заместитель начальника штаба фронта генерал Семенов доложил:

– Ломжа противником взята, но контрударом 6-й кавдивизии противник снова из Ломжи выбит.

С этого времени радиосвязь со штабом 10-й армии начала работать с перерывами.

Павлов запросил точно указать положение ее частей.

Штаб 10-й армии шифром доложил:

«Части на фронте успешно отражают атаки противника, нанося ему огромный урон. Против частей 10-й армии действует пехота противника с сравнительно небольшим количеством танков и что быстрым ударом в районе Семятичи был застигнут и окружен против-

ником батальон связи 113-й дивизии. Противник на этот участок вывел крупные мехчасти, и наши войска ведут с ними упорный бой. В некоторых местах наша пехота под давлением танков противника отходит в общем направлении на Брянск...

Командующий 10-й армией бросает в атаку танкистов 13-го мехкорпуса (там было около 200 танков всего) и привлекает весь корпус для участия в общем бою и... намечает использовать для удара и 6-й мехкорпус, который ему также был подчинен».

Оценив обстановку Павлов понял, что «противник сковывает действия 10-й армии действиями своей пехоты с незначительным количеством танков с фронта и стремится нанести более мощный удар с направления Дрогичин, Нагайновка или севернее к горловине между Беловежской пущей и Супрунчевскими лесами».

В связи с этим он дал указание: «Противотанковую бригаду немедленно вывести на свое место и развернуть в районе западнее Михалово, рубеж южнее Белостока...

Ввод 6-го мехкорпуса в бой должен быть произведен для самого сильного удара, предложив... разобраться в обстановке и в соответствии с нею действовать».

Своего заместителя генерал-лейтенанта Болдырева он направил на помощь генералу Голубеву в 10-ю.

Директивные указания Ставки Павлов получал исправно. Сводки в адрес наркома от него также отправлялись вовремя.

Вскоре из штаба 4-й армии поступили отрывочные данные о том, что армия в районе Жабенко собирается наносить контрудар противнику. В этот момент она находилась уже в 30 км от Бреста. Недоумевая, Павлов запросил командующего Коробкова. Тот ответил: «Связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями потеряна. Место расположения 75-й дивизии знает и поддерживает с нею связь делегатами. К контратаке готовится корпус Сборина против очень крупных механизированных сил противника. Результат атаки доложу».

Одна только Жабинка в этот день до 7 раз переходила из рук в руки. И все же под давлением мехчастей 4-я армия начала отход на Кобрин.

Радиотелеграммой Павлов приказал не самовольничать и легко не бросать рубежи: «Драться на каждом рубеже до разрешения на отход штаба фронта».

И туда же в 4-ю послал делегатов, «которые имели прямое указание в категорической форме потребовать от штаба 4-й армии руководства и управления войсками, предложив командующему и начальнику штаба армии за обоюдными подписями сообщать, где какие части находятся и в каком состоянии».

На помощь Коробкову Павлов направил всю 113-ю стрелковую дивизию. Для ускорения ее переброски выделил целый автомобильный полк.

Не ладилось и в 3-й армии. Во второй половине дня ее командующий доложил: «Из трех имеющихся у него радиостанций – две разбиты, а одна оставшаяся повреждена». Просил подбросить радиостанцию. Его части оставили Сопочкин. С дрожью в голосе генерал Кузнецов заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер. 85-я дивизия, развернувшись на рубеже западнее Гродно, под давлением тяжелых танков противника, начала отход на юг, юго-восток. Однако контратакой танковой дивизии Стеклова Кузнецов делал попытку восстановить положение этой дивизии.

На правом фланге 3-й армии положение, по мнению командующего фронтом, складывалось катастрофическое. Разрозненные части в районе (севернее Гродно) с трудом сдерживали натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Коце и Друскеники, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей.

Далее Кузнецов доложил:

– Я чувствую, что нам придется оставить Гродно. В случае чего, как быть со складами и семьями начсостава? Многие из них уже остались у противника.

– При оставлении каких-либо пунктов – склады и все добро, которое нельзя вывезти, уничтожить полностью, – ответил Павлов.

Когда Кузнецов спросил его еще раз про семьи, он сказал: – Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой...

* * *

С рассветом со стороны немецко-фашистских войск внезапно был открыт артиллерийский огонь. Как вспоминал генерал Л.М. Сандалов, «наиболее интенсивный огонь велся по военным городкам в Бресте, и особенно по Брестской крепости, которая была буквально покрыта разрывами артиллерийских снарядов и мин. (...) Наиболее сильный артиллерийский и минометный огонь велся по цитадели крепости.

Кроме дивизионной артиллерии 45-й пехотной дивизии, для артиллерийской подготовки противник привлек девять легких и три тяжелых батареи, батарею артиллерии большой мощности и дивизион мортир. Кроме того, командующий 12-м армейским корпусом сосредоточил по крепости огонь двух дивизионов мортир 34-й и 31-й пехотных дивизий.

Военный городок южнее Бреста, где дислоцировалась 22-я танковая дивизия, Северный военный городок в Бресте, где размещался корпусной артиллерийский полк и некоторые части стрелковых дивизий 28-го корпуса подверглись массовой артиллерийской обработке в течение часа. Для корректирования артиллерийского огня на участке Влодава, Семятиче немцы подняли аэростаты наблюдения».

Приказ командующего 4-й армии Коробкова о выводе из крепости частей 42-й стрелковой дивизии был отдан по телефону с 3 часов 30 минут до 3 часов 45 минут. Поэтому до начала боевых действий его выполнить не успели.

Лишь только начальник штаба этой дивизии собрал командиров частей, чтобы вручить им распоряжение, как началась война. Самого же командира дивизии разыскать не смогли...

Эта дивизия была передислоцирована в Брестский гарнизон весной 1941 г. А вместе с развернутой в дивизию танковой бригадой, число войск Бреста увеличилось в 4 раза. Кроме того, окружной госпиталь по-прежнему находился в крепости.

Тогда же командующий округом генерал Павлов приказал для размещения личного состава приспособить часть складских помещений и даже восстановить некоторые форты крепости, взорванные в 1915 г. В нижних этажах казарм устанавливались нары в четыре яруса. Как вспоминал генерал Сандалов, «хозяйственные соображения побороли у Павлова оперативные. А мы, командование 4-й армии, отнеслись к такому оперативно-невыгодному и даже больше того – опасному размещению войск, мягко выражаясь, примиренчески». И это притом, что в пунктах, указанных Генеральным штабом, частям корпуса пришлось бы ориентироваться в основном на бараки и землянки. То есть Павлов, размещая войска в Бресте, думал прежде всего о создании для них наибольших удобств.

Накануне войны в лагерь на учения из Брестской крепости были выведены больше половины подразделений этих двух дивизий – 10 из 18 стрелковых батальонов, 3 из 4 артполков, по одному из дивизионов ПТО (противотанковая оборона. – Примеч. ред.) и ПВО, разведбатов и некоторые другие подразделения. На утро 22 июня 1941 г. в крепости находились: «84-й стрелковый полк без двух батальонов, 125-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 131-й артиллерийский полк, 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный дивизион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автобатальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (в форту 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался в форту 4 км северо-западнее Бреста), 158-

й автобатальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного военного госпиталя на острове Госпитальном и пограничная застава на острове Пограничном. Кроме того, в бастионном кольце и за стенами крепости проживало большое количество начальствующего состава и сверхсрочников со своими семьями, а также граждан, работавших в частях и учреждениях, расположенных в крепости».

По самым не полным подсчетам, в крепости только военнослужащих находилось более 8000 человек, не считая персонал и пациентов госпиталя.

Рассказывая о героической обороне Брестской крепости, русский писатель Б. Васильев пишет: «Широко известен панорамный снимок Кольцевой казармы в районе Холмских ворот, сделанный с другого берега Буга. Всмотритесь в него: в стенах, выходящих на реку, то есть на Запад, на местах узких проемов-бойниц вы увидите широкие квадратные окна. Их прорубили, когда в крепости стоял польский гарнизон: в казармах не хватало света. В июне 1941-го эти окна оказались на прямом прицеле немецкой артиллерии.

Мне рассказывали уцелевшие бойцы 84-го полка (он размещался в этом участке казарм), что многие снаряды влетали прямо в окна, рвались в помещениях, плотно набитых людьми: именно они и вызывали пожары. Нары 84-го полка были деревянными, тюфяки соломенными: грохот, взрывы, огонь и дым одновременно обрушились на спящих людей. Вот почему так много бойцов оказались босиком, а то и без оружия. Возникла паника, у командиров не было заранее указанных участков обороны, у бойцов – ясного представления, куда отходить и что делать.

Немцы воспользовались этой растерянностью. Сходу заняв Тереспольское укрепление, их третий батальон 45-й пехотной дивизии сумел захватить мост через Буг, Тереспольские ворота и ворваться в цитадель, где занял церковь и столовую комсостава. Одновременно с 45-й дивизией Буг форсировали фланговые 31-я и 34-я пехотные дивизии, обойдя крепость с севера и юга. Уже в первой половине дня крепость была окружена. Однако защитники быстро пришли в себя, самостоятельно добывая оружие и группируясь возле своих и чужих командиров.

Соппротивление возглавил заместитель командира 84-го стрелкового полка по политической части полковой комиссар Ефим Фомин.

Под командованием замполитрука Самвела Матевосяна, назначенного Фоминым своим заместителем, была предпринята контратака, в результате которой немцев выбили из церкви и Тереспольских ворот. Однако противник продолжал активные действия:

Только в цитадели бойцы отразили 8 мощных атак в первый день войны».

Как вспоминал Л.М. Сандалов, «особенно большие потери имели части и подразделения, находившиеся в центральной части крепости (цитадели).

Для выхода из крепости на восток можно было использовать только одни северные ворота, по ним противник сосредоточил наиболее сильный артиллерийский огонь. Поэтому выйти из цитадели смогли лишь отдельные подразделения, которым вывезти какую-либо материальную часть не удалось. Не смог вырваться даже разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии, имевший на вооружении легкие танки и бронемашину».

Например, «22-я танковая дивизия 14-го механизированного корпуса, дислоцировавшаяся в Южном городке г. Бреста, потеряла от огня противника при выходе из городка большую часть танков, свыше 50 % автомобилей, все запасы боеприпасов и горючего, 20 % личного состава. Штат этого корпуса лишился всех средств связи. Артиллерийский обстрел и бомбардировка противника сорвали организованный сбор по тревоге и развертывание частей 28-го стрелкового корпуса, многие из которых находились в самом Бресте. Особенно большие потери понесли 6-я и 42-я стрелковые дивизии. До 50 % войск, находившихся в крепости, было выведено из строя».

С 5 до 6 часов противник наносил массированные авиационные удары по штабам и складам 4-й армии. Самый первый налет на штаб этой армии авиация противника произвела в 5 часов 10 минут, а в 6 часов повторно. За это время штабы армии потеряли почти все средства связи, а под развалинами зданий были похоронены все их документы. Уцелел лишь узел связи штаба армии, который располагался в подвале.

* * *

«Из правого фланговой 3-й армии с 4 до 10 часов утра было получено в штабе фронта всего три боевых донесения, а затем связь прервалась и возобновилась лишь к исходу второго дня войны, – писал профессор ВА Анфилов. – В первом боевом донесении, подписанном командующим армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым, членом Военного совета армейским комиссаром 2 ранга Бирюковым и начальником штаба генерал-майором Кондратьевым в отправленном в 4 часа 45 минут, сообщалось: «Противник в 4.00 22.6.41 г., нарушил (!) госграницу на участке от Сопоткин до Августов, бомбит Гродно, в частности, штаб армии. Проводная связь с частями нарушена, перешли на радио, две радиостанции уничтожены. Действуем в точном соответствии с директивой № 002140 по прикрытию госграницы».

Во втором донесении, отправленном в 8 часов 30 минут, когда обстановка более или менее прояснилась, и подписанном только начальником штаба, никаких упоминаний о «действиях в точном соответствии с директивой по прикрытию госграницы» нет.

В нем отмечается:

«1. Противник в 4.00 22.6.41 г. открыл артиллерийский огонь по нашим войскам, расположенным у границы. С 4 часов через каждые 20–30 минут – налеты авиации по 3–5 самолетов. Бомбят Гродно, Сопоткин и, в частности, штаб армии.

В 7 часов 15 минут 16 самолетов бомбили Гродно на высоте 1000 м. В Гродно пожары. С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13–15 самолетов... В районе Гродно нашими истребителями и зенитной артиллерией сбито два бомбардировщика... Проводная связь порвана, радиосвязь до 8 часов не установлена.

В части высланы делегаты связи».

В третьем донесении, подписанном тем же Кондратьевым и отправленном в 10 часов 15 минут, указывается: «Противник прорвал наши войска и овладел Сопоткин, Голынка и Липск. Налеты авиации на Гродно продолжаются. Части 3-й армии сдерживают наступление, отходят...»

Из 10-й армии, находившейся в центре Западного фронта в Белостокском выступе, за весь первый день было получено Павловым лишь одно боевое донесение, отправленное в 10 часов 5 минут и подписанное командующим армией генерал-майором К.Д. Голубевым...

«Противник с 5 часов после часовой артиллерийской подготовки, – говорилось в нем, – по всему фронту перешел в наступление и к 8 часам, по отрывочным данным с фронта, части противника заняли Граево, Конты, Новогруд. В 7 часов 30 минут танки противника проникли в Цехановец. С 4 до 6 часов противник бомбил Белосток силой до 60 самолетов: аэродром, военный городок и штаб 6-го мк. В то же время противник бомбил Ломжа и передовые аэродромы... С 8 часов организовал разведку частями 6-го и 13-го мк с целью выяснения положения на фронте и установления соприкосновения с танковыми частями противника для нанесения контрудара...

Получены сведения о высадке небольшого авиадесанта в Браньск».

Судя по этому донесению, командующий 10-й армией вообще не знал, в каком положении находятся войска первого эшелона.

Не знал этого и командующий 4-й армией, прикрывавшей брестское направление, на котором наносили удар войска фельдмаршала Клюге и 2-й танковой группы Гудериана. Лавина вражеских танков, поддерживаемых авиацией, устремилась на восток. (...)

Получив из штаба округа около 12 часов ночи сигнал «всем быть наготове», командарм генерал А.А. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия.

Эти пакеты хранились в штабе армии и не вручались командирам соединений, потому что решение командующего армией не было еще утверждено Военным советом округа. Однако командиры соединений знали содержание документов, находившихся в пакетах, так как участвовали в их составлении. (...)

Первое боевое донесение командующий 4-й армией направил Павлову в 6 часов 40 минут: «Доношу: в 4.15 22.6.41 г. противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6 часам артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42-я, 6-я и 75-я стрелковые и 22-я и 30-я танковые дивизии выходят в свои районы. О 49-й сд (стрелковой дивизии. – Примеч. ред.) данных нет... Данных к 6 частям о форсировании противником р. Западный Буг не имею. Штабом перехожу на запасной командный пункт – Буховиче. 22-я танковая дивизия под артиллерийским огнем в беспорядке вытягивается в свой район...»

В боевом донесении, посланном в 11 часов 55 минут и подписанном только начальником штаба 4-й армии полковником Л.М. Сандаловым, сообщалось: «1. К 10.00 22.6 части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я 75-я сд), причем гарнизон крепости Брест – 42-я и 6-я сд – потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я сд принуждена была к 7.00 отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й сд собираются...

Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40 %) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрине)...

2. Отдал приказание: а) 28-му ск (стрелковому корпусу. – Примеч. ред.) не допускать дальнейшего продвижения противника на Жабинку.

б) 14-му мк (механизированному корпусу. – Примеч. ред.) в составе 22-й и 30-й тд, сосредоточившемся в районе Видомль, Жабинки, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м ск и 10-й смешанной авиадивизией уничтожить его и восстановить положение... связь имеется со штабом 28-го ск и периодическая со штабом 14-го мк».

В 18 часов 30 минут Коробков подписал боевой приказ № 02 следующего содержания:

«1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части в восточном направлении.

2. Части 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Западный Буг...

Атаку начать в 5.00 после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить».

Вот как оценивалась обстановка и какие действия предпринимались в первый день войны командованием 4-й армии, в полосе которой группа армий «Центр» наносила главный удар. Они убедительно свидетельствуют о том, что Коробков, как и другие командующие армиями, не осознавал мощи удара противника и его воздействия на подчиненные ему войска, о положении которых мало что знал. Если бы он представлял, что творится в соединениях и частях, подвергшихся ударам противника, то не ставил бы им задач на наступление...»

Что и говорить, если Западный фронт в первый день войны потерял 738 самолетов, из них 387 истребителей и 351 бомбардировщик. На аэродроме сгорело – 528, сбито зенитным огнем – 18, в воздушных боях – 133, не вернулись с заданий – 53. Один самолет разбился в авиакатастрофе, 2 потерпели аварию, 3 совершили вынужденную посадку. Полностью были уничтожены самолеты на 5-ти аэродромах. Только 9-я сад (сводная авиационная дивизия. – Примеч. ред.) потеряла 347 самолетов из 409, 10-я сад- 180 из 231; 11-я сад – 127 из 199. Погибли до конца не сформированные две истребительные авиадивизии.

Когда 7 июля Павлова будут допрашивать, он, вспоминая, будет рассказывать следователю практически по памяти:

«— В следующем донесении штаб 3-й армии сообщил, что противник подошел к Гродно, и наши части оставляют город. По приказанию Кузнецова склады взорваны, армия из этого склада пополнилась снарядами. В этот же день Голубев, чувствуя сильно развивающееся давление противника со стороны Семяточи в направлении на Брянск – Бельск, не разобравшись с обстановкой, донес, что противник находится на подступах к Бельску, в то время как фактически противник дрался еще под Брянском. Голубев принял решение ввести в дело мехкорпус. Оценивая всю обстановку, я усматривал, что штаб 3-й армии оставил Гродно и перешел в Луно, но противник особенного давления и преследования 3-й армии не проявляет. На левом фланге 10-й армии противник ценою больших усилий развивает успех, тесня наши части. На остальных участках 10-й армии все попытки противника перейти в наступление отбиты. В 4-й армии чувствуется полная растерянность командования, потеряно управление войсками, и противник быстро развивает успех, имея осью движения Бобруйско-Брестское шоссе. В соответствии с обстановкой мною было приказано 6-му мотомехполку нанести удар противнику из исходного положения в направлении на Брянск с задачей разгрома мехчасти противника в районе Брянск и по выполнении задач сосредоточить все в районе Волковыск в мое распоряжение. Этот приказ был продублирован делегатами с самолетов и по радио. На участке 3-й армии мы потеряли Августовский район. На участке 10-й армии части оставались в том же районе, где они должны были быть по плану, кроме левого фланга, где противник занял Цехоновец, подходил к Брянску. 4-й армии части дрались за Жабенко, но мне стало известно, что при выходе из Бреста части 42-й и 6-й дивизий и 22-й танковой дивизии были обстреляны огромным количеством артиллерии противника, который весь свой огонь сосредоточил в первую очередь по домам начсостава, во вторую очередь по улицам и дорогам и по гаражному расположению. Мне известно, что этим огнем противник нанес значительные потери материальной части выходящей из Бреста артиллерии. Это мне известно из доклада командира корпуса и танковой дивизии».

В сущности, Павлову только казалось, что он владеет обстановкой. Ибо это было просто невозможно. Он и его штаб имели о ней весьма прозрачное представление. Все отданные его распоряжения в основном ускоряли выдвижение войск из глубины.

При этом отход войск 3-й и 4-й армий поставил в наитруднейшее положение войска 10-й. Павлов был не в состоянии увидеть, как соединения генерала Голубева оказались в ловушке, которую противник должен был вот-вот захлопнуть. Более того, не замечая угрозы, он решает нанести сильный контрудар из района Белостока по одной из крупных группировок противника...

* * *

Когда началась война, город Минск безмятежно спал. Пока еще лишь немногие знали об этом и, прежде всего те, кому было положено по долгу службы. Одним из них был Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии.

В 4 часа 30 минут утра его разбудил телефон. Звонил генерал армии Павлов:

– Пантелеймон Кондратьевич, в 4 часа германская армия открыла военные действия против наших войск. По всей линии госграницы и особенно у Бреста и Гродно идут бои. Вражеские самолеты бомбят крупные города и важнейшие стратегические объекты западной части страны. Прошу вас незамедлительно прибыть в Военный совет округа. Ровно к 5.30 Пономаренко предложил собрать в ЦК партийных и советских руководителей республики, включая наркомов, а также секретарей Минского обкома партии и председателя горсовета.

В 5.00 на Военном совете генерал армии Д.Г. Павлов и начальник штаба округа генерал-майор В.Е. Климовских сообщили об обстановке, как она рисовалась в тот момент. Павлов проинформировал об указании сверху – ввести в действие необходимые силы с тем, чтобы разбить и выбросить с нашей территории вторгнувшегося врага, но государственную границу не переходить, т. к. возможно, что это не война, а крупная провокация противника.

В 5.40 началось первое заседание бюро ЦК КП(б) Белоруссии с участием руководящего актива. На нем первый секретарь сообщил о нападении Германии. Сделав обзор самых неотложных военно-мобилизационных мероприятий, которые было необходимо срочно осуществить, он предложил пока разойтись, чтобы каждому подумать на своих местах о первоочередных действиях и в 9 часов утра собраться вновь для принятия решения по конкретным задачам.

Около 7 часов позвонил Сталин.

– Здравствуйтесь, товарищ Пономаренко, – совершенно спокойным голосом сказал он. Затем спросил об обстановке и о том, что предпринимает ЦК КЛ (б) Белоруссии в связи с началом войны. После доклада первого секретаря он сказал:

– Сведения, которые мы получаем из штаба округа, теперь уже фронта, крайне недостаточны. Обстановку штаб знает плохо. Что же касается намеченных вами мер, они в общем правильны. Вы получите в ближайшее время на этот счет указания ЦК и правительства. Ваша задача заключается в том, чтобы решительно и в кратчайшие сроки перестроить всю работу на военный лад. Необходимо, чтобы парторганизация и весь народ Белоруссии осознали, что над нашей страной нависла смертельная опасность и необходимо все силы трудящихся, все материальные ресурсы мобилизовать для беспощадной борьбы врагом. Необходимо, не жалея сил, задерживать противника на каждом рубеже, чтобы дать возможность Советскому государству развернуть свои силы для разгрома врага.

Требуйте, чтобы все действовали смело, решительно и инициативно, не ожидая на все указаний свыше. Вы лично переносите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляете работу по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще позвоню вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте.

Следующий раз Сталин позвонил в 11.30 и сразу спросил:

– Что вы можете сказать о военной обстановке? Что делает и как себя чувствует товарищ Павлов?

Пономаренко кратко рассказал ему о тяжелой обстановке по данным штаба фронта и сообщениям секретарей обкомов и райкомов партии.

Но на вопрос о генерале Павлове лукавить не стал и выложил, как есть:

– Несмотря на свои положительные качества: военный опыт, большую энергию, безусловную честность, под давлением тяжелой обстановки, особенно из-за утери связи со штабами фронтовых войск он, товарищ Сталин, потерял возможность правильно оценивать обстановку и руководить сражающимися частями, проявляет некоторую растерянность. Командующий загружен до отказа и, пытаясь решать сотни вопросов и дел, которыми могли бы заниматься его заместители, работники штаба фронта, не сосредотачивается на главных проблемах руководства.

В связи с этим, товарищ Сталин, я бы просил вас, прислать в штаб фронта одного из авторитетных маршалов Советского Союза, который, не будучи поглощен разрешением многочисленных текущих оперативных вопросов, изучал бы внимательно обстановку, продумывал бы неотложные мероприятия и подсказывал их командующему.

– Я уже думал об этом, – ответил Сталин. И тут же добавил: – Сегодня же к вам выезжает маршал Борис Михайлович Шапошников. Имейте в виду: это опытейший военный специалист, пользующийся полным доверием ЦК. Будьте к нему поближе и прислушайтесь к его советам.

* * *

22 июня. Воскресенье. День обещал быть ярким и безоблачным. Медленно всходило солнце. С тихих и уютных дворишков Минска доносился сладковатый запах жасмина. Легкий утренний ветер шелестел листвой деревьев. Улицы и скверы радовали обывателя океаном цветов. Лето было жаркое. И все, как обычно: в 6 утра заговорило радио. Столица СССР – Москва передавала веселые песни, затем – урок утренней гимнастики и передовую статью газеты «Правда».

С утра в почтовых ящиках домов и квартир горожан лежали свежие газеты.

В этот день артисты МХАТа днем должны были показать пьесу Горького «На дне», а вечером – комедию английского драматурга Шеридана «Школа злословия».

Многие минчане собирались отправиться на только что созданное озеро. Ровно в полдень должно было состояться открытие купального сезона и соревнование физкультурников.

«На пляжах, – сообщала газета, – расположатся 6 духовых оркестров, десяток баянистов будет играть на лодках. Парк культуры и отдыха организует для посетителей озера два больших концерта. Для любителей катания на лодках приготовлено 60 шлюпок»

Утром отсыпались выпускники средних школ, которые в изумительную летнюю ночь веселились под такты прощального вальса, позировали фотографам и гуляли до рассвета.

А еще в этот день в Минске и Минском районе планировалось проведение тактических учений с участием местного населения. Весьма любопытной выглядит и тема занятий: «Охрана и оборона важных объектов города и района от нападения авиадесантных отрядов предполагаемого противника и ликвидация этих отрядов силами местного населения».

Рано утром в окрестностях Минска должны были быть выброшены четыре отряда парашютистов по 10 человек: около аэродрома и рядом с поселками. Парашютисты должны были изображать массовый десант противника, захватывая и разрушая условно: аэродромы, мосты, железнодорожные станции. С противником должны были бороться отряды местной самообороны. Но самое удивительное, что в рамках этих учений в Минске должны были объявить воздушную тревогу с целью проверки работы служб ПВО, светомаскировки, аварийно-восстановительных команд и постов ВНОС.

Все как обычно было и в Москве. «Около 10 часов утра 22 июня, – вспоминал нарком ВМФ адмирал Кузнецов, – я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала. Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь проносились отдельные машины, пугая пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжелые бои. В Кремле все выглядело, как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам – ничего не говорило о тревоге. Кругом было тихо и пустынно».

В 12.05 из кабинета Сталина Молотов направился на Центральный телеграф и через десять минут выступил по радио с обращением к народу, которое до этого активно обсуж-

дал и редактировал вождь. Тогда репродукторы во всех городах и селах Советского Союза известили о том, что уже произошло... И мирные люди услышали страшное...

Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, выступая по поручению вождя с каждой новой фразой, все больше и больше убеждал в том, о чем знали, но до сих пор не верили...

– Граждане и гражданки Советского Союза! – как-то необычно серьезно говорил он. – Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы. В ответ на это мною от имени советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и потому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. (...)

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

* * *

Одна из жительниц Сергиево-Посада, Г.Я. Луневская, вспомнит 65 лет спустя: «В тот день ждали гостей. Мать со мной пошла на новый рынок – думала, что будет всего много и дешево. Дошли до Первого дома советов, видим, толпа народа у “чревовещателя” (так называли громкоговоритель у аптеки). Подошли послушать – оказывается Молотов выступает. И сразу все с прилавков исчезло, все попрятали. Мать купила маленькую масленку, а в нее подсолнечного масла. С этими “припасами” и встретили войну».

Есть еще одно воспоминание, жителя этого города С.М. Дроздова: «По дороге я встретил Тасю (жену). Она шла в город нарядная, веселая, надушенная. Сообщения о начале войны она не слышала и, как потом говорила, очень удивлялась тому, что встретившиеся знакомые и незнакомые люди были мрачны, подавлены, не обращали внимания на ее праздничный вид».

Иначе пришла война в Петрозаводск. В тот страшный день стояла гнетущая жуткая тишина, а над головами горожан висели черные тучи. На следующий день выпал снег. И хотя все также светило жаркое солнце, снег растаял не сразу.

Одна старушка-соседка сказала тогда жительнице этого города З.С. Смирновой:

– Знать, долгой будет война!

Русский писатель и философ А. Зиновьев по-своему вспоминал тот день:

«Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась на самом деле, она разразилась как гром среди ясного неба. Я не могу описать первые дни войны отчетливо и систематично. Да в этом и нет никакой необходимости: общеизвестно, что это была неслыханная паника и хаос. Это была паника не от животного страха, но паника от хаоса и бессмысленности происходившего. Вдруг обнаружилось, что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом деле фиктивной и не поддающейся управлению. Это была паника самого худшего сорта – паника развала системы, казавшейся надежной. Впавших в панику от страха людей можно было остановить. А тут люди, не знавшие страха, оказались в состоянии полной растерянности. Люди вдруг потеряли какую-то социальную ориентацию в огромной хаотичной массе людей и событий. Ощущение было такое, будто какой-то страшный ураган обрушился на землю, поломал и перепутал все, лишил людей пространственно-временных координат. Куда-то вдруг исчезла вся гигантская командная машина, и командовать людьми стало некому. В этом паническом хаосе мы были предоставлены сами себе».

Для русского писателя Б. Васильева этот день оказался другим:

«Тот воскресный день выдался в Воронеже на редкость жарким. Где-то на краю горизонта темнели облака, но в городе было душно. И мы со школьными друзьями решили идти купаться».

Но пока собирались, облака стали тучами, а когда поравнялись с нашей бывшей (семи-летней) школой, хлынул дождь. Мы спрятались на крыльце под навесом, а гроза грохотала во всю мощь, и, помнится, мы этому буйно радовались. Но вдруг открылась дверь школы, и наш бывший директор Николай Григорьевич выглянул из нее. Лицо его было серым, это я помню точно.

– Война, мальчики... – сказал он.

А мы заорали: “Ура!”...

Из четверых мальчишек, глупо оравших “Ура!” на крыльце школы, в живых остался я один.

Купаться мы раздумали и ринулись по домам. Обрадовать матерей, что наконец-таки началась...

Мы еще не знали, не понимали и представить себе не могли, что это событие на века войдет в историю как Великая Отечественная война.

Дома я застал маму, которая разглядывала большую карту европейской части СССР – у нас дома было множество карт, потому что я их любил и собирал.

Я восторженно сообщил, что наконец-то началась война, мама странно посмотрела на меня и вышла из комнаты. А я сразу же подошел к расстеленной на столе карте. На ее глянце-витой поверхности остались два пятнышка. Следы маминых слез. И я понял – нет, не понял, а почувствовал, – что мое детство закончилось. Его провожали две маминых слезинки...»

Не менее интересно об этом дне воспоминание и известного белорусского писателя В. Быкова:

«Погожим июньским утром мы приехали на Украину...

Белые мазанки, тополя, непривычный для уха язык на станциях, гоголевские ассоциации – все это перенесло в другой мир, романтический и сказочный. Не думал тогда, что так много драматического и трагического будет связано у меня с этой страной.

Не успел осмотреться, узнать по-настоящему город и даже найти своего дядьку, как грянула война. Поначалу это, признаться, не очень испугало нас, молодых: были же совсем недавно финская война, перед нею – освободительный поход в Западную Белоруссию, все окончилось триумфальными победами. Победим и теперь. Тем более что нами руководит непобедимый товарищ Сталин. Но очень скоро стало тревожно, а затем и страшно. Захотелось домой, в родные места. Да вот дороги туда уже не было».

Великого русского актера М. Пуговкина война застала на первых в его жизни съемках. «22 июня 1941-го 17-летний Миша играл свой крохотный эпизод в фильме “Дело Артамоновых”, как вдруг, посреди рабочего дня, всю съемочную группу картины вызвал к себе директор “Мосфильма”. Ничего не понимающие актеры стояли в кабинете главы киностудии, а из репродуктора доносилась речь Молотова».

«И когда война началась, – писал в своих мемуарах Константин Симонов, – в то утро ощущение потрясенности тем, что она действительно началась, у меня было, разрушается, как и у всех, но ощущение неожиданности происшедшего отсутствовало.

Да, конечно, началась внезапно, – а как еще иначе ее могли начать немцы, которые именно так начали и в этот раз. Почему они, собственно говоря, могли начать как-то по-другому?»

Начало войны для великого русского актера Г. Жженова оказалось вдвойне трагичнее: «К слову сказать, о начале Великой Отечественной войны я узнал, будучи за баранкой.

В прохладный день 22 июня 1941 г. я ехал по трассе с каким-то грузом. На оперпосту 47-го километра остановился перед закрытым шлагбаумом. Стрелок потребовал документы. Я подал ему водительское удостоверение. Поняв, что я заключенный, стрелок распорядился поставить машину в сторону, а мне приказал следовать за ним на оперпост. Там он созвонился по телефону с диспетчером гаража и потребовал прислать вольнонаемного водителя, сославшись на приказ из Магадана. На мой недоуменный вопрос, в чем дело, что случилось, он ответил: война.

Жуткое чувство огромного несчастья, случившегося в мире, полоснуло по сердцу болью и страхом. Итак, война!... Все-таки – война. (...) Короленко писал: “За Уралом лес рубят, в Сибири щепки летят!” Многие из нас оказались в лагерях беспомощными “щепками” чудовищной политической ситуации, сложившейся в нашей стране (...)

22 июня 1941 г. стало ясно, что государству в течение ближайших лет будет не до нас, не до наших проблем...»

* * *

Вспоминает Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Василий Павлов:

«Первый день войны я встретил в Черновицах. И вот что странно: три месяца мы сидели там по первой боевой готовности, без выходных, без отдыха, в отдельные дни было у нас по пять боевых вылетов, спали прямо под самолетами – и вдруг в субботу, 21 июня, выстраивают нас и объявляют: завтра – выходной день. Сняли боевое дежурство, все зачехлили, оставили только три самолета – дежурное звено. На аэродроме в тот день никаких работ не проводилось: выходной – для всех выходной. И так – не только в нашем полку, а по всей границе почему-то всем разом дали выходной день... (...)

Я до сих пор ищу ответа на вопрос: почему за день до начала войны все было приведено не в боевое состояние? Ведь последствия легко просматривались: все устали, всем хотелось расслабиться, вырваться в город, разрядиться. И все разбрелись, кто куда. Нас человек пять пошли посидеть и выпить к жене комиссара эскадрильи Захарова. Изрядно, скажу я вам, выпили – понятное дело, молодые, здоровые ребята, и на отдыхе...

Но у меня было какое-то странное настроение – уж не знаю, чем оно было вызвано, только водка меня не брала, и я опьянел меньше других. На душе было как-то смутно – не до веселья, и я решил уйти. Ребята отговаривали: куда ты пойдешь один среди ночи, но я сказал: “Нет, ребята, вы как хотите, а я пойду”. Отправился в ванную, подержал голову под струей холодной воды – и ушел.

Когда подходил к аэродрому, километра за два, наверное, услышал: где-то постреливают. Дошел до палатки – тихо, безлюдно. Огляделся и лег спать. Не знаю, сколько времени проспал, только слышу: боевая тревога! Ну, думаю, опять: у нас эти боевые тревоги каждый день были. Побystрее влез в сапоги – прямо на голые ноги, оделся и бегом к самолету. Смотрю – уже винты крутятся. Спрашиваю техника: “Пулеметы заряжены?” “Все в порядке, командир”, – отвечает. – И вот я готов, но чую – что-то не то: никаких заданий никто не дает, командир полка сам не знает, что делать. И тогда, может, потому, что хмель еще из головы не выветрился, я решил: взлечу первым, без команды. И решение мое оказалось трезвым, правильным – я это потом понял. Взлетел, набрал высоту, убрал шасси, смотрю – слева самолет – наш командир эскадрильи Касьянов. Значит, в небе я не один. Убираю газ, показываю ему: идти вперед, ты же командир, а он головой качает: нет, не могу, давай ты веди. Ну я на газ – и вперед. Только набрал высоту, гляжу – прямо под самым носом в прицеле у меня Хе-126. Мне ничего не оставалось делать, кроме как нажать на гашетку. Самолет сразу задымил, перевернулся, закувыркался в небе...

Командира своего из виду потерял, что делать дальше – не знаю. Решил вернуться на аэродром – рассвет уже вовсю занимался. Подлетел и вижу: все в дыму. Потом присмотрелся – здание служебное стоит, а ангаров нет. Не успел понять, в чем дело, как раздался треск на бронеспинке, и два “мессера” с крестами на крыльях надо мной пронеслись. Тут уж я полностью протрезвел – сделал какой-то немыслимый маневр и сорвался в штопор. У самой земли вывел самолет и ушел от “мессеров”. Но только когда снова поднялся над аэродромом и увидел, что там творится, понял: началась война. Картина была страшная: все кругом в огне – ад да и только... Чудом удалось уйти».

Вспоминает М.Ф. Королев:

«21 июня объявили тревогу. Вообще-то училище по тревоге поднимали как минимум два раза в неделю, так что никто особо и не побеспокоился. Выстроились на плацу. Вышел из штаба начальник училища – корпусной комиссар (было такое звание у политсостава) Иван Захарович Сусайков, вывел всех на лужайку и отдал не совсем обычный приказ: “Присажи-

вайтесь, ребята, сейчас я прочитаю вам лекцию о войне с Германией... Договор договором, а на вред это не пойдет”.

Долго начальник говорил, до самого вечера. И о типах немецких танков рассказал, и о “гудериановской” тактике танковых клиньев. А вечером был концерт на свежем воздухе – постановка пьесы Шиллера “Разбойники”. Затянулась она настолько, что по училищу был отдан приказ: в воскресенье, 22 июня, подъем провести на час позже.

Утром, после завтрака, собрались в курилке. Все разговоры – только о предстоящем воскресном увольнении. Кто в кино собрался, кто на танцы.

И тут, в 11.30, заговорило радио: “В 12 часов будет важное правительственное сообщение”. В полдень в казарме стояла полнейшая тишина: командиры радиоточку отключили, а сами сообщение Молотова в штабе слушали, чтобы, так сказать, личный состав лишний раз не беспокоить. Потом построили училище, сообщили о начале войны и... приказали разойтись на занятия».

Вспоминает А.В. Сорокин:

«22 июня проснулись в три часа утра от страшного грохота. У кого койка рядом с оружейной комнатой, тот успел винтовку схватить, а большинство выбегало с пустыми руками. Немецкий бомбардировщик сбросил на военный городок несколько бомб, одна попала в дальнее крыло казарм. После переклички не досчитались двух десятков солдат, которые остались под теми развалинами. На построении комиссар полка во всеуслышание заявил, что это провокация со стороны немцев, после чего часть вывели в лес за полтора километра от окраины. До самого вечера малыми саперными лопатками копали себе окопы и щели. Ближе к обеду командиры наконец-то внесли ясность, сказав, что началась война с Германией, немцы ввели войска по всей нашей границе».

Вспоминает В.М. Алексеев:

«22 июня в четвертом часу утра немцы начали артподготовку. Снаряды летели через головы танкистов и разрывались где-то далеко в тылу. Продолжалось это минут сорок, а потом послышался приближающийся лязг танковых гусениц. В это же время от дивизионного начальства был получен первый боевой приказ: “Не стрелять, это провокация!”

Комиссар батальона внезапно решил провести собрание личного состава, чтобы разъяснить линию партии. Встал, сделал несколько шагов и был убит наповал одиночным выстрелом немецкого снайпера. Тут уж комбат взял ответственность на себя и приказал открыть огонь».

* * *

После своего выступления Молотов вернулся на свое рабочее место. Когда он вошел в приемную, следом появился Сталин.

– Ну и волновался ты, – сказал он Молотову. – Но выступил хорошо

– А мне казалось, что я сказал, не так хорошо, – ответил верный соратник.

В этот момент в кабинете Молотова зазвонил телефон. Он быстрым движением взял трубку и повернулся к вождю:

– Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить? Сталин подошел к телефону и внимательно выслушал доклад

наркома обороны.

– Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне, – заявил он ему в ответ. – Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте ввиду – немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрого предупредить

командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой...

Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется вам времени? Ну хорошо, два часа, не больше... А какова обстановка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурился!

– Поговорю сам с ним... – И, положив трубку на аппарат, грубо сказал:

– Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива... Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?

После этих слов вождь немного успокоился и продолжил:

– Надо направить к Павлову Шапошникова. Я не сомневаюсь, что он поможет организовать управление войсками, укрепить их оборонительные позиции. Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедленно нанести контрудары по противнику, а одновременно поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на восток. Ничего не должно достаться врагу. Обсудим этот вопрос на заседании...

В 14 часов в кабинете Сталина собрались в основном военные. Тимошенко, Шапошников, Ворошилов, Жуков, Ватутин. В 15.20 подошел адмирал Кузнецов, а еще через десять минут маршал Кулик. Также там находились Молотов, Микоян и Вышинский.

Нарком обороны первым доложил обстановку, сведя все к тому, «что сила удара гитлеровских войск превзошла все ожидания». Он подчеркнул особенно: «В первые же часы войны авиация противника нанесла массированные удары по аэродромам и войскам в приграничной зоне до рубежа рек Западная Двина и Днепр».

– Стало быть, много советских самолетов уничтожено прямо на земле, – с сарказмом сказал Сталин.

– К сожалению, так. Из-за неожиданного нападения многие самолеты не успели подняться в воздух, – ответил ему Тимошенко.

Сталин тут же взорвался, спросив:

– Неужели до всех аэродромов добралась немецкая авиация?

– К сожалению, так, товарищ Сталин, – повторился нарком. – Немцы подвергли ожесточенной бомбардировке 66 советских аэродромов, на которых находились наши самолеты, причем преимущественно современные.

– Сколько же уничтожено самолетов, – несколько задумавшись, поинтересовался Сталин.

– По предварительным подсчетам, около семисот.

Вождь снова вскипел:

– Это же чудовищное преступление. Надо головы поснимать с виновных...

Выждав паузу, он прошелся вдоль стола и спросил:

– Как складывается перспектива на Западном фронте?

– Командование Западного фронта стремится маневрировать резервами. Но Павлов и его штаб допустили ряд просчетов. С первых часов войны связь со штабами армий оказалась нарушенной. Павлов, естественно, не знал и мог не знать, что делается на левом крыле фронта. А там немцам удалось прорваться и в течение дня продвинуть свои танки на 60 км. Павлов же принимал меры по ликвидации прорыва на правом крыле...

Свои контрмеры он строил, исходя из того, что противник концентрическими ударами со стороны Бреста и Сувалок постарается в районе Лиды замкнуть кольцо вокруг войск фронта...

Сталин с гневом в глазах посмотрел на маршала и перебил его:

– Вы полагали, что немцы замкнут кольцо у Лиды, а они пытаются замкнуть его восточнее Минска! Это сколько же дивизий окажется в западне?

Теперь Тимошенко замолчал. А вождь задавал вопросы будто бы самому себе. Он не смотрел на наркома обороны. Постепенно погружаясь в свои мысли, он словно самостоятельно пытался найти выход из создавшегося положения. Было видно, что сама по себе возможность окружения под Минском до глубины души потрясла его. Он не хотел верить в это, но что оставалось делать...

Будто очнувшись из забытья, он резко, на повышенном тоне снова обратился к Тимошенко:

– С вашего Павлова надо строго спросить! За неделю до войны он заверял меня по телефону, что лично выезжал на границу. Уверял, что никакого скопления войск там не обнаружил, а слухи о войне назвал провокационными! И ссылался на свою разведку, которая, по его утверждению, работает надежно...

* * *

А ведь не врал товарищ Сталин! Александр Евгеньевич Голованов лично встречался с Павловым в июне 1941 г. В своих мемуарах он с точностью до мелочей вспомнил эту встречу: «В тот день я в двенадцать часов явился к командующему округом.

В кабинете за письменным столом сидел довольно массивного телосложения человек с бритой головой, со знаками различия генерала армии.

Павлов поздоровался со мной, спросил, почему так долго не приезжал в Минск, поинтересовался, что мне нужно, и сказал, что давно уже дал распоряжение, чтобы нас всем обеспечивали, так как об этом просил Сталин. Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

– А мы сейчас позвоним товарищу Сталину. – Он снял трубку и заказал Москву.

Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

– Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

– Не в духе хозяин. Какая то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредотачивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

– Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы и расстались».

Не менее любопытно и другое предвоенное воспоминание о Павлове, которое нам оставил генерал Л.М. Сандалов: «Когда все оказались в сборе, завязался врезавшийся в мою память полуофициальный разговор.

Начал его Павлов.

– Генеральный штаб еще не закончил составление оперативного плана, – сказал он. – А для того чтобы показать один из возможных вариантов действий войск округа при нападении на нас фашистской Германии, Генеральный штаб в ближайшее время проведет с окружными и армейскими управлениями оперативную игру на местности со средствами связи. Будет проигрываться начальный период войны. Возглавит игру, вероятно, сам нарком.

Штабы армий начнут ее в местах дислокации и будут передвигаться, сообразуясь с обстановкой.

– А те штабы, которые стоят у самой границы? Куда им двигаться? – не удержался я. – По-видимому придется обороняться.

– Вначале, может быть, придется, и отступить, – уточнил Павлов. – У немцев теперь не сотысячная армия какую они имели в 1932 г., а трехмиллионная. Она насчитывает свыше 300 соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступать... А вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов, – Павлов посмотрел на Тюленева, – когда в полосе вашей армии достигнута уставная плотность – 7,5 км на дивизию, тогда, конечно, можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе. Не так ли?

На миг воцарилось молчание, но затем поднялся Чуйков:

– Вам хорошо известно, товарищ командующий округом, что в первом эшелоне 4-й армии весной этого года было всего лишь две дивизии на 150 км фронта. Летом нам подбросили еще одну. Значит, плотность теперь – 50 км на дивизию. Во втором эшелоне тоже негусто – только одна дивизия. Это же не армия, всего лишь корпус... Почему бы в нашу полосу не выдвинуть заблаговременно две-три дивизии из тыла страны? И прежде всего на левый фланг армии – для обеспечения стыка с Киевским округом?

– Как вы не понимаете, что подобными действиями можно спровоцировать войну? – раздраженно ответил Павлов. – Да и казарм у нас нет для размещения новых войск».

Вот вам и весь кругозор целого командующего округом.

* * *

Но вернемся в кабинет вождя.

Когда маршал Тимошенко не смог ответить на многие вопросы, детально характеризующую обстановку на фронтах, Сталин снова перешел на повышенный тон:

– Что у вас, товарищ Тимошенко, сидят там за шляпы, если даже не могут доложить вам точную обстановку. Совесть у них есть? Сознают ли они ответственность за судьбу страны? Вас подводят и дело погубят... Животы там нарастили некоторые генералы, а знаний не прибавили...

Затем он несколько успокоился и тихо произнес: – Мучительно трудно сейчас нашим бойцам. Им приходится стойко сдерживать оголтелых зверей. Внезапность вражеского нападения оказала большое психологическое воздействие на моральное состояние наших бойцов. Но это, разумеется, кратковременное явление.

Результатом двухчасового совещания стала отредактированная вождем директива № 3 (которая в войска трех фронтов (Северо-Западного, Западного, Юго-Западного) поступила в 21 час 15 минут): «1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Оолита и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю:

а) Концентрическими сосредоточенными ударами войск Сев-Зап. и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волынь, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы.

Граница прежняя.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков».

* * *

22 июня в Кремлевском кабинете Сталина было принято 15 человек (29 раз с 5.45 до 16.45). В этот день он находился на рабочем месте более 12 часов. При этом ничего не ел и выпил за день только стакан крепкого чая. Последним от него вышел Берия (16.45). После нескольких телефонных разговоров он подписал и просмотрел множество документов, а около 18 часов уехал на дачу отдыхать.

* * *

В 20 часов вечера в Генштаб была отправлена первая разведсводка из штаба Западного фронта. В ней говорилось: «Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лиды для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки войск Западного фронта. Концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации. Устанавливается всеми видами разведки дальнейшее продвижение сувалкинской и брестской группировок противника...»

Ровно через два часа в Генштаб была отправлена и первая оперативная сводка Западного фронта. Она-то и дезорганизовала Москву своим содержанием: «Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж Келбасин, Домброво, Осовец, Граево, Кольно, Ломжа, Бельск».

Как известно, войска в это время отходили или в панике бежали на восток разрозненными группами. Ни о каком упорном сопротивлении или сдерживающих боях речи не велось. И тем не менее бумага стерпела и на этот раз!

Кто знает, может быть из-за таких вот сводок, в Москве написали директиву № 3? Ведь по замыслу Главного командования контрудары трех фронтов должны были создать условия для захвата стратегической инициативы и способствовать разгрому вторгшегося врага. Однако при отсутствии управления войсками, непрерывном воздействии авиации, панике и неразберихе, в короткий срок было невозможно организовать и тем более нанести эти удары. Тем не менее командующий Западным фронтом в целях осуществления директивы № 3 приступил к организации контрудара по сувалкинской группировке противника. В 23.40 минут он начал переговоры по «бодо» с генералом Болдыным, находящимся в штабе 10-й армии:

«Павлов: Познакомились ли с обстановкой и какие решения приняли?

Болдин: С обстановкой ознакомился...

Павлов: Выслушать приказ: Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кд, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Минск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова В.И. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично. Голубеву передайте занять рубеж Осовец, Бобр, Визна, Бельск и далее на Клещеле. Все это осуществить сегодня за ночь, организованно и в быстрых темпах, особо обратить внимание, чтобы хозяйство начальника артиллерии фронта не осталось в Червонном Бору. У меня все.

Болдин: Из Червонного Бора вся артиллерия была вывезена и участвовала в боях.

Павлов: Приступайте к выполнению данного мною задания».

7 июля 1941 г. следователь спросит генерала Павлова:

– Какие вы как командующий фронта сделали выводы из исхода первого дня боя?

– Из результатов первого дня боя я сделал следующий вывод, что против центра 10-й армии дерется по преимуществу пехота и что наша пехота успешно отбивает все атаки противника. На правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сапоцкин введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45 мм артиллерией и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону. На правом же фланге у Кузнецова был разгромлен весь полк крупной механизированной частью противника, пришедшего с севера из Литвы в составе: 2–3 мехдивизий и 2–3 мотодивизий. Это заставило меня очень сильно опасаться за возможность разворота удара этой механизированной частью в общем направлении на Лида.

– Какие меры вами были приняты, как командующим, для предотвращения прорыва фронта? – звучит из уст следователя более конкретный вопрос.

– На правом фланге мною было указано 3-й армии, используя атаку 11-го мехкорпуса в направлении Сапоцкин, частям 85-й дивизии этой же армии занять второй оборонительный рубеж западнее Гродно на Суховоло, фронтом на север. Потрепанные части 56-й дивизии я приказал Кузнецову собрать, поставить на правый берег реки Неман и оборонять Гродно и направление на Лида.

Почувствовав удар из Литвы, я приказал командиру 21-го стрелкового корпуса (штаб в Лиде) занять оборонительный рубеж западнее Лида противотанковой бригаде, северо-западнее – 17-й стрелковой дивизии, дабы удержать рубеж для того, чтобы выиграть время и дать возможность 37-й и 24-й стрелковым дивизиям сосредоточиться в районе северо-западнее Лида и обеспечить правый фланг от удара из Литвы с направления Ораны, войдя в связь с литовскими частями, что командиром 21-го стрелкового корпуса и было выполнено, но никаких частей в районе Ораны им найдено не было...

Но что еще мог сказать Павлов, если все командование фронта, имея весьма скудные и отрывочные данные об обстановке, в первой половине дня 22 июня никаких кардинальных решений не принимало. «Все отданные штабом округа распоряжения носили частный характер и были направлены главным образом на ускорение выдвижения войск из глубины округа. Причинами незнания обстановки являлись отсутствие авиационной разведки и связи с агентурной разведкой, перерыв проводной связи с войсками связи с войсками, неумение наладить радиосвязь и связь подвижными средствами и самолетами с армиями, которые к тому же сами не имели исчерпывающих данных об обстановке. (...)

На моральном состоянии наших войск, кроме первых ошеломляющих ударов врага, отрицательно сказался беспорядочный отход одиночек и групп невооруженных рабочих и разных строительных подразделений из Брестского укрепленного района, которые сеяли панику и распространяли слухи о просочившихся в наш тыл автоматчиках, о выброшенных десантах, об обходе наших войск на флангах, об окружениях и т. п. Тем не менее отходившие

войска старались зацепиться за любой более или менее подходящий рубеж. Но сил и необходимой организованности для решительного отпора наступившему противнику не хватало, и отход продолжался (Л.М. Сандалов)».

К исходу 22 июня полных данных о противнике и своих войсках не имелось ни в штабе фронта, ни в штабах армий.

«О действительном положении частей и размерах понесенных ими потерь не знали даже командиры соединений», – вспоминал

Сандалов. Что же мог сказать командующий, если уже 22 июня, в первый день войны, правый фланг 3-й армии Кузнецова был глубоко охвачен войсками 3-й танковой группы врага. А между Северо-Западным и Западным фронтами образовался разрыв шириной до 130 км. В этот разрыв устремились танковые части противника и к вечеру 23 июня продвинулись в глубь нашей территории до 120 км.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и на левом фланге Западного фронта. Там десять дивизий противника (в т. ч. четыре танковые) в первом эшелоне и 2 пехотные, 3 моторизованные и танковые дивизии успешно атаковали четыре советских дивизии 4-й армии (не развернувшихся).

Вечером 22-ю передовые танковые части противника взяли Кобрин, продвинувшись на советской территории на глубину до 60 км.

Угроза глубокого охвата танковыми соединениями противника обоих флангов Западного фронта обозначилась к исходу первого дня войны. Командующий фронтом и его штаб по известным причинам вскрыть эту угрозу не смогли.

Так завершился роковой для нашей страны день 22 июня 1941 г.

В этот день писатель Илья Эренбург написал: «На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: “Гитлер начал войну, Сталин ее кончит”. Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступили. Фашисты начали войну. Мы ее кончим – победой труда и свободы. Война – тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю – защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной поработенной Европы».

4. Девять дней западного фронта

Самой мощной армией Западного фронта считалась 10-я армия, находящаяся в Белостокском выступе. Два стрелковых корпуса (1-й и 5-й (четыре дивизии) и 113-я стрелковая дивизия составляли первый эшелон армии. Во втором эшелоне находились 6-й мехкорпус (той дивизии), менее мощный 13-й мехкорпус (три дивизии), 6-й кавкорпус (две дивизии), 155-я отдельная стрелковая дивизия, 6-я противотанковая артбригада и Осовецкий укреппрайон. Всего в 10-й армии насчитывалось 6 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные и 2 кавалерийские дивизии. Командовал армией генерал-майор К.Д. Голубев.

Константин Дмитриевич Голубев родился в 1896 г. в г. Петровске, ныне Саратовской области. В армии с 1915 г., поручик, командир роты на Юго-Западном фронте.

В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1926 г.), КУВ-НАС (1929 г.) (Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. – Примеч. ред.), Академию Генштаба (1938 г.).

В годы Гражданской – командир взвода, роты, полка. В двадцатые – командир полка, с 1928 г. начальник штаба 29-й стрелковой дивизии, с 1929 г. начальник Московской Объединенной военной школы ВЦИК. С 1933 г. командир 22-й стрелковой дивизии. С 1939 г. старший преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе, с марта 1941 г. командующий 10-й армии БОВО.

3-я армия Западного фронта занимала северный фас Белостокского выступа и район Гродно. В ее первом эшелоне располагался 4-й стрелковый корпус (две стрелковые дивизии), а во втором – 85-я стрелковая дивизия и 11-й механизированный корпус в стадии формирования (три дивизии). В резерве армии находились 24-я стрелковая дивизия и 7-я противотанковая артбригада. Также ей подчинялись войска 68-го Гродненского УРа. (укрепрайона. – Прим. ред.)

Командовал армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов.

Василий Иванович Кузнецов родился в 1894 г. в с. Усть-Усолка, ныне с. Усолка Чердынского района Пермской области. В армии с 1915 г., подпоручик, начальник команды пеших разведчиков. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1926 г.), КУКС (Курсы усовершенствования командного состава. – Примеч. ред.) (1929 г.), особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936 г.).

В Гражданскую войну – командир роты, батальона и стрелкового полка. С 1923 г. – командир стрелкового полка, с января 1931 г. – помощник командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии (исполняющий должность командира дивизии), с марта 1931 г. – помощник командира 25-й стрелковой дивизии. С ноября 1931 г. – командир 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, с октября 1936 г. – командир и военком 99-й стрелковой дивизии, с августа 1937 г. – командир 16-го стрелкового корпуса, затем командующий Витебской армейской группой войск. С сентября 1939 г. – командующий 3-й армией ЗапОВО.

4-я армия Западного фронта находилась в районе Бреста. В ее состав входили 28-й стрелковый корпус (2 стрелковые дивизии), 14-й мехкорпус (три дивизии), а также 49-я стрелковая дивизия и 75-я стрелковая дивизия. Командовал армией генерал-майор А.Л. Коробков.

Александр Андреевич Коробков родился в 1897 г. в г. Петровске ныне Саратовской области. В армии с 1915 г., прапорщик, командир пехотного взвода. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1922 г.), КУВНАС (1932 г.).

В Гражданскую командовал взводом и ротой. С 1923 г. – помощник начальника орготделения штаба СКВО (Северо-Кавказского военного округа. – Примеч. ред.). С 1924 г. – командир стрелкового полка, военрук Харьковского и Саратовского коммунистических университетов. С 1931 г. – начальник штаба 95-й стрелковой дивизии УВО (Украинского военного округа. – Примеч. ред.). С 1936 г. – командир 100-й стрелковой дивизии. С мая 1939 г. – командир 16-го стрелкового корпуса БОВО (Белорусского особого военного округа. – Примеч. ред.). С января 1941 г. – командующий 4-й армией этого же округа.

Кроме этих армий, на территории еще Западного Особого военного округа был сформирован штаб новой 13-й армии. Формирование штаба было начато 5 мая 1941 г. в Могилеве, а 20 июня ему было поручено передислоцироваться в район Новогрудка. Эта армия должна была принять полосу на стыке 10-й и 4-й армий южнее Белостокского выступа. Армии подчинили штаб 2-го стрелкового корпуса (должен был принять две дивизии из 4-й и 10-й армий), 13-й мехкорпус и 311-й пушечный артполк Резерва Главного командования (РГК).

Командовал армией генерал-лейтенант П.М. Филатов.

Петр Михайлович Филатов родился в 1893 г. в г. Ржеве ныне Тверской области. В армии с 1914 г., подпоручик, командир роты. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1917 г.), Высшие военно-академические курсы Красной Армии (1922 г.), Курсы усовершенствования высшего состава (1928 г.), особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936 г.). В годы Гражданской войны командовал взводом, был делопроизводителем по строевой части полка, помощником командира и командиром стрелкового полка, командиром стрелковой бригады, помощником командира стрелковой дивизии. В двадцатые – командир 26-й стрелковой дивизии, с 1927 г. – начальник Владивостокской пехотной школы, с 1936 г. – командир 27-й стрелковой дивизии, с 1937 г. – командир 15-го стрелкового корпуса, с июня 1938 г. – заместитель командующего войсками Дальневосточного фронта, с сентября 1938 г. – заместитель командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией. С мая 1941 г. – командующий 13-й армией ЗапОВО.

22 июня 1941 г. 1-я армия была атакована пятью пехотными дивизиями вермахта. Большая часть ее артиллерии, находящаяся у самой границы была сразу же разгромлена.

Недостроенные узлы обороны Гродненского УРа, оказывающие упорное сопротивление, немцы обошли и заняли Липе и Сопоткин. 27-ю стрелковую дивизию атаковали две германские пехотные дивизии. Была разгромлена и 56-я стрелковая дивизия. На подмогу вышел второй эшелон 3-й армии: 85-я стрелковая дивизия и 11-й мехкорпус.

29-я танковая дивизия контратаковала противника, наступающего в направлении Сопоткин, Гродно. И если нашим танкистам удавалось отбрасывать противника на несколько километров, то после авиационной и артиллерийской подготовки он снова атаковал советские быстроходные Т-26, которые вспыхивали гораздо чаще, чем немецкие Т-III и Т-IV, из-за меньшей, почти в два раза, толщины брони. К вечеру части дивизии отошли на Гродно.

Уже днем противник подошел к Гродно, который обороняла 85-я стрелковая дивизия. Вследствие угрозы окружения город был оставлен нашими войсками. Переместился и штаб армии.

В полосе 10-й армии главный удар был нанесен шестью германскими пехотными дивизиями по двум стрелковым дивизиям (113-й и 86-й), находящимся на левом фланге. 113-я дивизия была разгромлена еще на марше, а оборона 86-й дивизии была прорвана без особого труда тремя пехотными дивизиями противника.

Наиболее боеспособные подразделения 31-й танковой дивизии 13-го мехкорпуса перекрыли дорогу Дрогичин-Бельск-Белосток, но уже к полудню были отброшены на целых 10 километров к Белостоку.

В полдень одна пехотная дивизия противника прорвалась к Браньску, но путь ей преградил разведбатальон 25-й танковой дивизии 13-го мехкорпуса. Вскоре ему на помощь прорвался 18-й мотоциклетный полк, но основные его силы были отброшены. Тогда в бой вступили основные полки 25-й танковой дивизии. Тем не менее к исходу первого дня войны одна пехотная дивизия выбила советские войска из Браньска.

В полосе 4-й армии наступали пять корпусов противника (два моторизованных и 3 армейских). Большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий так и не смогли выйти из Брестской крепости.

Против 49-й стрелковой дивизии, находящейся на правом фланге армии, действовало три пехотных дивизии противника (армейский корпус). Ее остатки отошли в Беловежскую пущу, а затем попали в окружение. В сущности, первый эшелон 4-й армии был разгромлен в первый же день войны.

Уже в 7.00 немцы заняли Брест, а 4-я армия отошла к Кобрину.

* * *

23 июня генерал Павлов свое основное внимание «уделял организации контрудара силами конно-механизированной группы из района Гродно в северном направлении». Одновременно войскам 3-й и 10-й армий он приказал удерживать занимаемые ими рубежи, не обращая внимания на угрозу окружения.

Накануне вечером в 22.00 из Москвы в штаб фронта прибыли на помощь маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик. Пока маршалы разбирались в обстановке, Павлов еще пытался руководить. Получив донесение из 10-й армии, что один из лучших по укомплектованности и сплоченности корпусов – 6-й механизированный – не в состоянии развить наступление из-за того, что с 22 июня занимает оборону по восточному берегу Нарева на фронте 35 км (его надо было выводить из боя и перебрасывать в новый район), а две его танковые дивизии находятся от намеченного рубежа развертывания в 60–70 км, он пришел в ярость. «Почему мехкорпус не наступал, кто виноват? Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда что делает и какие результаты. Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусу? Найти где 49-я и 113-я сд и вывести. Исправьте свои ошибки. Подвезите снаряды и горючее... Запомните, если вы не будете действовать активно, Военный совет больше терпеть не будет», – указывал в телеграмме командующий.

Однако, что можно было предпринять, если 6-й мехкорпус имел только одну четверть заправки горючего. 22 июня, учитывая необходимость в горючем, отдел снабжения горючим отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе (300 тонн), а остальное горючее для округа по плану Генштаба находилось в Майкопе.

Заместитель командующего Западным фронтом И.В. Болдин, прибывший в 10-ю армию в первый день войны, возглавил конно-механизированную группу в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов и соединений 6-го кавалерийского корпуса.

Иван Васильевич Болдин родился в 1892 г. в д. Высокая ныне Инсарского района Республика Мордовия. В армии с 1914 г., старший унтер-офицер, командир взвода. В Красной Армии с 1919 г. Окончил учебную команду 23-го Кавказского стрелкового полка, Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА им. III Коминтерна (1922 г. и 1923 г.), КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926 г. и 1930 г.), эту же академию (1936 г.).

В годы Гражданской войны – командир роты, батальона и стрелкового полка. С 1923 г. командовал частями Особого назначения в Курской губернии, затем был командиром и военкомом 252-го и 250-го стрелковых полков, и.д. помощника командира дивизии. С 1924 г. – командир и военком Московского отдельного стрелкового полка. С 1927 г. – помощник

командира, затем командир 19-й стрелковой дивизии, с 1929 г. – командир 10-го стрелкового корпуса. В 1930 г. руководитель группы по тактике в Военно-политической академии, затем начальник и комиссар Объединенной школы комсостава военизированной охраны ВСНХ СССР. С весны 1931 г. – командир и военком 53-й стрелковой дивизии. С 1936 г. – инспектор Управления боевой подготовки РККА, весной 1937 г. – командир и комиссар 18-й стрелковой дивизии. В 1938 г. назначен командующим войсками Калининского ВО, а с сентября 1939 г. – командующим конно-механизированной группой. Осенью 1939 г. он – командующий войсками Одесского ВО, в июле 1940 г. – заместитель, а с января 1941 г. – 1-й заместитель командующего войсками ЗапОВО.

После своего приезда к Павлову, маршал Советского Союза Кулик вскоре вылетел именно на помощь генералу Болдину.

В полосе 3-й армии армейский корпус противника продолжал охват ее правого фланга.

10-я армия еще удерживала Осовецкий укрепрайон и отбила попытку с ходу форсировать р. Бобр, но была потеряна связь со штабом фронта.

В полосе 4-й армии командованию удалось нанести контрудар. Около 6.00 началась атака двух корпусов (28-го стрелкового и 14-го механизированного) в районе Бреста, но она оказалась безуспешной. 14-й мехкорпус участвовал в контрударе, по существу только одними танками, при этом танки одной из его дивизий были уничтожены раньше.

Из 4-й армии ее командующий доносил в штаб фронта: «Слабоуправляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов авиации противника, отходят в беспорядке, не представляя собой силы, могущей сдерживать противника». По его мнению, командиры 28-го стрелкового и 14-го механизированного корпусов проявили «неустойчивость и преждевременно отводят части и особенно штабы».

По мнению генерала Сандалова, основные причины неудачного исхода армейского контрудара, во-первых, в неравенстве сил. Во-вторых, в отсутствии необходимого артиллерийского и авиационного обеспечения войск. В-третьих, из-за слабого взаимодействия частей и соединений. В-четвертых, из-за отсутствия надежного управления войсками и, в-пятых, из-за слабого материально-технического обеспечения.

К исходу вторых суток войны трудным оставалось положение в 3-й армии. Штаб армии умолял дать транспорт, горючее и вооружение, которое Павлов дать не мог. И если здесь хотя бы была еще какая-то связь, то с 4-й армией дела обстояли еще хуже. С ней связи не было в течение всей ночи с 22 на 23 июня. Соответственно, никаких распоряжений Павлов ее штабу отдать не мог. А когда отдал, оно уже стало нереальным.

На исходе 23-го июня он приказал командующему 4-й армии: «Упорной обороной остановить противника на фронте Трухновичи и далее по восточному берегу р. Ясельда до деревни Жабер, Дюгичин, канал Белозерский, прочно окопавшись, создав искусственные препятствия перед фронтом позиций армий, дать решительный отпор всякой попытке противника прорвать фронт армии...»

Затем командующему 10-й: «В связи с наступлением ударной группы Болдина на Гродно вам удерживать рубеж: Забеле, Осовец, Визна, Капицы, р. Нарев до Сураж, Бельск-Подлески, Гайновка, 6-ю кд (кавалерийскую дивизию. – Примеч. ред.) 24.6.41 г. сосредоточить в районе Свилошь в готовности 25.6.41 г. вести ею решительное наступление в направлении Пружаны...»

Одновременно он приказывает ударной группе Болдина продолжить наступление на Гродно и 3-й армии атаковать в общем направлении на Гродно.

По сути это приказ на продолжение контрудара в районе Гродно, на который, как писал профессор В.А. Анфилов, «командование фронтом и два маршала-консультанта, присутствовавшие там, по-видимому, делали главную ставку». Но в отношении маршала Шапошникова это неправда. Он был категорически против. Но об этом позже.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По мнению специалистов Генерального штаба, «в оперативном искусстве советских войск причудливо переплетались два основных вида боевых действий – наступление и оборона. Так как советскому командованию не удалось осуществить единого контрнаступления, боевые действия по выполнению директивы № 3 вылились в разрозненные контрудары фронтов и армий. При этом наступательные действия дивизий первого эшелона армий прикрытия ограничились в основном встречными боями с вторгшимися частями противника. Контратаки же проводились в рамках оборонительных боев и имели целью удержание занимаемой полосы. В отличие от этих дивизий соединения, составляющие вторые эшелоны (резервы) армий и фронтов, почти все без исключения проводили контрудары или участвовали в них.

Фронтальные контрудары наносились, как правило, на стыках двух фронтов или двух армий, где наступавший противник достигал наибольших успехов. При этом следует выделить контрудары, которые проводились по приказу командующих войсками фронтов, но лишь силами армий прикрытия и под руководством командующих этими армиями; контрудары, проводившиеся по приказу командующих фронтами с привлечением сил фронта, но под руководством одного из командующих армией; наконец контрудары, которые наносились силами фронта и под непосредственным руководством фронтального командования».

Командование Западного фронта приказывало провести шесть контрударов. Три из них проведены не были, и только три частично выполнили поставленную задачу, но гораздо меньшими силами, чем планировалось.

Почему одни из контрударов оказались неудачными, а другие вообще не удалось провести?

«Во-первых, командующие войсками фронтов зачастую ставили объединениям и соединениям совершенно нереальные задачи, их нельзя было выполнить физически. Постановка нереальных задач объясняется как почти полным незнанием обстановки, так и стремлением безоговорочно выполнить директиву № 3 Главного военного совета, переложив определенную долю ответственности на подчиненные войска. Во-вторых, жесткие временные рамки не позволяли командующим и командирам, а также штабам объединений и соединений организовать огневое поражение противника и взаимодействие. В-третьих, стремление командующих почти моментально отреагировать на приказ вышестоящей инстанции или на ставшие известными им изменения в обстановке приводило к тому, что войска получали большое количество сменявших и часто исключавших друг друга распоряжений.

Так как большинство из них касалось проведения контрударов, то это требовало беспрерывных 2-3-суточных маршей под воздействием авиации противника, при недостатке горючего и невозможности проводить плановое обслуживание танков и другой техники.

К полю боя войска подходили измотанными... Мощного и одновременного удара не получалось, поэтому сопротивление даже небольших сил противника преодолевать не удавалось. Задача оставалась невыполненной.

В-четвертых, контрудары во многих случаях наносились по слабо разведанным, сильным и, главное, лучше управляемым группировкам врага. В-пятых, в ходе осуществления контрударов совершенно неудовлетворительно было поставлено управление войсками. Вследствие низкой эффективности разведки не удалось организовать непрерывный сбор данных о противнике. Отсутствие опыта и слабая сплоченность штабов, а также частое нарушение связи не позволяли иметь достоверные сведения о положении и характере действий своих войск. Все это затрудняло принятие решения и постановку соединениям боевых задач. Взаимодействия войск, по существу, не организовывалось...»

* * *

В середине дня 23 июня 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко позвонил Сталину. Сначала, как и положено, он доложил обстановку, а потом сразу же перешел к главному:

– Товарищ Сталин! Бюро ЦК, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. По голосу было видно, что вождь очень удивился:

– Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?

– Обстановка сложилась такая, что в половине областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановической) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым.

Выждав короткую паузу, Сталин сказал:

– Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация – это тоже элемент войны.

* * *

Рано утром 23 июня Г.И. Кулик на самолете отправился в Белосток, в штаб 10-й армии, поскольку в Москве и в Минске полагали, что именно там возникла главная угроза Западному фронту.

Маршал спешил помочь генералу Болдину, но немецкая авиация уже полностью господствовала в небе Белоруссии, и самолет представителя Сталина, спасаясь от ее истребителей, сел на вынужденную посадку прямо в поле на пути к Белостоку. Дальше путь в штаб 10-й армии он преодолевал на двух танках.

В ночь на 23 июня 1941 г. колонна танкового полка получила приказ на выдвижение под Гродно. Во время марша (около 200 танков КВ, Т-34, Т-26 и бронемашин разведроты) ей неоднократно приходилось попадать под удары германской авиации, так как полк оставался без всякого прикрытия. «Вражеские самолеты буквально висели над нашими войсками. Отбомбится одна группа, на смену прилетает другая. И так с утра до вечера. Фашистские летчики гонялись за отдельными танками, машинами, повозками и даже за отдельными людьми. Самолеты иногда снижались так, что были видны ухмыляющиеся лица летчиков и грозящие кулаки. При появлении немецких самолетов мы как можно быстрее съезжали с дороги, искали укрытия. Иногда пулеметным огнем заставляли немецких летчиков подниматься выше. И вот наша колонна рассыпалась в очередной раз, прикрылась молодым лесом, тянувшимся вдоль дороги. Впереди, над перекрестком дорог, кружились немецкие самолеты, непрерывно бомбя и обстреливая наши войска», – вспоминал Б.А. Бородин. Выпускник Орловского бронетанкового училища, командир взвода танков Т-28 13-го танкового полка Борис Афанасьевич Бородин, как раз таки в молодом лесу и обратил внимание на подбегающего к его машине майора-артиллериста.

– Я адъютант заместителя наркома обороны, маршала Советского Союза Кулика, – представился тот майор.

– Здравия желаю, товарищ майор, – не расслышав фамилии, ответил лейтенант.

– Наш БТ-7 поврежден и потерял ход. Нужно немедленно забрать маршала и вывезти его из-под бомбежки, – приказал адъютант Кулика.

На предельной скорости танк командира взвода помчался к указанному месту, где маршал в танковом комбинезоне, представший в подавленном и беспомощном состоянии, перебрался в Т-28. Тут же машина рванула из опасного места, и, отвязавшись от пикировщиков противника, удалилась от своих частей. Когда бомбежка и обстрел остались позади, Кулик потребовал карту.

– Товарищ маршал, нам выдали карты только от Белостока до Берлина, а для этой местности у меня нет, – попытался оправдаться лейтенант. В ответ он услышал странное шмыканье... А тем временем сапог Бородин затекал кровью... Всю дорогу он думал, как бы где-нибудь остановиться и перевязать рану. Дело в том, что, когда он стучал в люк БТ, чтобы забрать маршала, то, по всей видимости, его зацепило в голень. Предлог нашелся: необходимо осмотреть машину. Следом за механиком-водителем и Бородиным, высунувшись из люка, довольно умело вылез грузный и медлительный прежде маршал.

В этот момент механик уже вытащил небольшой осколок у командира и возился с санаптечкой. Кулик посмотрел на рану и его угрюмое, тяжелое лицо на мгновение подобрело.

– Ничего страшного, лейтенант. Считай, отделался царапиной, – сказал он Бородину.

И тут же дал совет солдату:

– Вату пропитай йодом, переложи бинтом. Сильно не пережимай.

И снова в путь. «Опрашивая местных жителей, – вспоминал Борис Афанасьевич, – поехали искать какой-нибудь штаб. И вскоре первый раз увидел живых немцев. У какого-то хутора наскочили на засаду. Неожиданно обнаружил две пушки с расчетами на местах. Возле построек стояли две крытые машины и несколько солдат. Захватил в точку наводки первое орудие. Заряжающий, едва услышав команду, дослал снаряд. Решение принял сам – некогда было обращаться к маршалу. Он же потом похвалил: “Хорошо долбанули немчуру”. Да, повезло. Ведя огонь из пушки и пулемета, мы подбили одно орудие, от второго разбежалась прислуга, то орудие раздавили гусеницами. Очень порадовал меня и обнадежил механик-водитель. Видом своим не внушал особого доверия – небольшого роста, щупловатый. И таким молодцом оказался! Жаль, не запомнил его фамилию. Он пришел к нам из другой роты, заменил старшего сержанта Гордуладзе, погибшего при первом авианалете 22 июня. И заряжающий был новичком. Проскочили хутор и, ориентируясь по отдаленному шуму боя, продолжили поиск. У какого-то поселка нас неожиданно обстреляли из орудия. Один снаряд угодил в башню, и с радостью я осознал, что он не взял нашу броню. Мы открыли ответный огонь, но маршал приказал повернуть назад. Когда вышли из-под обстрела, маршал озабоченно заметил, что немцы, вероятно, высадили десант для наведения паники...»

Перед маршем под Гродно танкистам выдали по три сушеные воблы, несколько сухарей и по 12 кусочков сахара. Выбрав подходящий момент, Бородин предложил Кулику перекусить, но тот вежливо отказался: мол, болит зуб. Танкисты тоже не притронулись к еде. Тогда Григорий Иванович попросил «дробок» сахара. Потом, глотнув родниковой воды, которую принес в котелке механик-водитель. Кулик глухо обронил:

– С таким харчем не навоюешь...

Под сумерки наконец-то нашли штаб 10-й армии. Встретил маршала генерал-майор артиллерии и проводил к группе стоявших недалеко генералов и полковников. Подойдя к ним, Кулик перейдя на свой излюбленный тон, принялся их воспитывать:

– Посылая меня сюда, товарищ Сталин думал, что наши войска, а они здесь собраны лучшие, громят врага на его территории. А вы здесь устроили вторую Францию...

Теперь это был не тот военачальник, каким его видели до войны. Солидной величины человек с довольно внушительным буро-красным лицом, с ничего не отражающим взором и смотрящим «в ничто», имел довольно утомленный вид и был одет в запыленный комбинезон и пилотку. Выслушав доклад о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов

противника, он по-детски разводит руки и также по детски произносит неопределенное: «Да-а».

Как вспоминал генерал Болдин, «вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку». Рано утром 24 го июня, покидая командный пункт Болдина, прощаясь он, сказал, чтобы тот попытался что-нибудь сделать. Болдин смотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал...

Борис Афанасьевич Бородин вспоминал: «Рано утром по указанному маршалом маршруту мы выехали в штаб корпуса, номер которого я запомнил. Уже не блуждали, поскольку в штабе армии выдали карту. И пайком обеспечили. Двигались в направлении Гродно. Но в указанном месте штаба корпуса не оказалось. Прикинув, что он скорее всего переместился в восточном направлении, двинулись туда...

(...)... маршал был сильно не в духе. Может, начальство и не поладило меж собой (...).

А то, что произошло дальше, запомнилось хорошо. В одном месте (мы ехали с открытыми люками) увидели отступавшую стрелковую часть. Слышался гул орудий и разрывы снарядов. Некоторые бойцы бежали. Маршал приказал мне: «Остановите паникеров!» Не раздумывая, как это сделать, я бросился навстречу бежавшей группе. Увидел капитана, который пытался остановить бежавших, и закричал ему, чтобы слышали другие: «Смотрите! Там Маршал Советского Союза! Приказ – занять оборону!» Капитан повторил мои слова. Бойцы побежали назад. Послышалось «ура!» Маршал, когда доложил о выполнении его приказа, с улыбкой ответил: «Ничего, привыкнешь». Наверно, вид у меня был далеко не героический. В подходящем месте съехали с дороги в лес, чтобы позавтракать. Там механик-водитель доложил, что горючего осталось на час-полтора. В свою очередь, я доложил об этом маршалу, но он был задумчив, расстроен и ничего не сказал в ответ. Я выслал механика-водителя и заряжающего на опушку, приказал доложить, когда увидят любую машину или танк. Примерно через полчаса появились две бронемшины. Я выбежал на дорогу, остановил их. В первой ехал полковник. Он оказался начальником связи корпуса, который мы разыскивали. Маршал уехал с полковником».

Григорий Иванович Кулик родился в 1890 г., в крестьянской семье на хуторе Дудниково Полтавской области. С 1912 г. в армии, прапорщик, командир взвода. В Красной гвардии с 1917 г., в Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1915 г.), Курсы высшего комсостава (1924 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1932 г.).

В Гражданскую войну – начальник артиллерии 5-й (10-й) армии, военком Харьковской губернии и начальник гарнизона. Начальник артиллерии 14-й армии, начальник артиллерии Первой конной армии, затем СКВО и помощник начальника артиллерии РККА.

С 1925 г. – заместитель председателя Военно-промышленного комитета ВСНХ, с ноября 1926 г. – начальник Артиллерийского управления РККА. В 1930 г. – командир Московской пролетарской дивизии. С 1932 г. – командир и комиссар 3-го стрелкового корпуса, с мая 1937 г. – начальник Артиллерийского управления РККА. С января 1939 г. – заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления РККА

«Будучи начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии, в силу своей неподготовленности, невысокой эрудиции и некомпетентности способствовал снятию с валового производства крайне необходимых для армии артиллерийских систем и боеприпасов к ним, тормозил оснащение армии новыми видами вооружения – наземной и зенитной артиллерии, стрелкового автоматического и минометного вооружения, ратовал за артиллерию на конной тяге, настаивал на том, чтобы танковые части использовались главным образом для непосредственной поддержки пехоты, за что в июне 1941 г. был снят с должности.

В начале Великой Отечественной войны Г.И. Кулик по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, как представитель Ставки ГК был направлен на Западный фронт для изучения обстановки и координации действий войск Красной Армии».

Но вернемся к путешествию маршала Кулика. На шоссе Белосто-Волковыск, в пятнадцати километрах от последнего, две бронемашин, в одной из которых находился маршал, забуксовали на лесной дороге. От Волковыска через Зельву и Слоним, миновав Барановичи, бронемашин с маршалом выбралась на Варшавское шоссе и направилась к Слуцку. Оттуда на автомобиле замнаркома выехал в Минск. Но немецкие десантники высадились у деревни Шишицы, перерезали пересечение автодорог от Слуцка на Минск и со стороны Несвижа на Осиповичи. Перед Шишицами “эмка” с маршалом свернула в лес, и там ее пришлось оставить. У деревни Жилин Брод Кулик со своим сопровождением выбрался на осиповичскую дорогу. Немецкая войсковая разведка установила факт появления Кулика под Шишицами, но сведения были запоздалые – почти двухмесячной давности», – пишет М. Кадет.

Теперь его искали не только свои, но и немцы!

«Переправившись через реку Птичь возле лесного урочища Гайки, недалеко от деревни Островки, Григорий Иванович добрался до местечка Дарапшово и, обойдя занятые немцами Осиповичи, оказался в рабочем поселке торфзавода Татарка. Там облачился в крестьянскую одежду и со своими спутниками продолжал поиск удалившейся линии фронта». Они следовали на могилевском направлении и вышли к реке Березине. Тогда-то и встретил маршала лейтенант-пограничник Николай Федорович Повзун. Он-то и поведал М. Кадету следующее:

– На том берегу – какая-то деревушка, название ее забылось. За ней деревня побольше – Закошь. Немцы, как мы установили, там еще не появлялись. К месту, где мы расположились, подошли трое мужчин. Одеты по-крестьянски. На плечах косы. Двоим лет по тридцать. Третий – пожилой. Пожилой остановился неподалеку. Подошедшие представились командирами Красной Армии. Потребовали предъявить документы. Объяснили, что выводят из окружения замнаркома обороны Маршала Советского Союза Кулика. Попросили переправить их через Березину. “Сейчас сделаем”, – ответил я. Отправил в деревню за лодкой четырех бойцов. Когда они подогнали две лодки, мы заняли оборону. Наблюдали за местностью и охраняли, пока Кулик и его сопровождающие не переправились и не скрылись в лесу”.

Далее он обрисовал портрет маршала:

– Лицо тяжкое, обвисшее. Давно не брит. Вид нездоровый. Грузно, с трудом садился в лодку. Одет был так: соломенная шляпа, серая домотканая рубаша навыпуск и домотканые брюки, заправленные в лапти. В окружении я повидал немало командиров, переодетых в гражданку. Около Минска, в Фаниполе, видел, как в гражданский костюм переодевался генерал-лейтенант Кузнецов. Но такой маскировки, как у Кулика, не встречал».

Фактически около двух недель маршал Советского Союза Кулик блуждал в окружении по лесам и болотам. Пришлось ему, прямо скажем, трудновато. Дорогой он натер себе ноги так, что не мог идти. А к своим маршал вышел под Шкловом, на Днепре. Его тут же доставили в штаб 13-й армии, а затем в Москву.

Вот что докладывал начальник особого отдела 10-й армии Лось о поведении Кулика в окружении: «Маршал Кулик приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Кулик никаких документов при себе не имел. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил».

* * *

24 июня сражение в районе Гродно обрело новый размах. Там началось наступление Конно-механизированной группы (кmg) генерала Болдина. Имея задачу продвинуться к переправам через Неман в район Друскининкай и Меркине и уничтожить противника на левом берегу Немана, кmg поддерживалась только 124-м артполком РГК и 77-м артполком

29-й мотодивизии. За несколько часов, первый из них расстрелял весь боезапас, и не получив боеприпасов, начал отход на Волковыск, а командир 6-го мехкорпуса вынужден был вывести свои части из-под авиационных ударов немцев. Тем не менее к исходу дня кмг продолжала попытки осуществить контрудар на Гродненском направлении.

13-я армия получила приказ поддержать кмг ударом на Радунь, Ораны, приняв в подчинение один стрелковый корпус (21-й), одну стрелковую дивизию (50-ю) и 8-ю противотанковую артбригаду.

Командование 10-й армии, получив данные о захвате противником Слонима и о прорыве их танков с северо-запада на Молодечно, почувствовало реальную угрозу окружения ее войск. С наступлением темноты оно начало переводить штаб армии в район Волковыска на расстояние более ста километров от передней линии.

Остатки 4-й армии в течение дня отступили на расстояние до 100 километров. За исключением двух стрелковых дивизий ее части были недееспособны. Постоянные бомбардировки авиации противника деморализовали ее пехоту. Средства управления были потеряны, а сам штаб армии был разделен на группы по руководству отрядами.

В оперсводке № 1 штаба 4-й армии говорилось: «Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры должного эффекта не дали».

В 3-й армии управление войсками еще каким-то образом осуществлялось...

* * *

В эти дни в Оперативном управлении Генерального штаба офицеры работали по направлениям (Западному, Северо-Западному и Юго-Западному). В зале заседаний вдоль стен были расставлены рабочие столы. Рядом кабинеты наркома, начальника Генштаба и телеграф. Тут же машинистки. Хоть было и тесно, но так оказалось удобнее. Как вспоминал генерал армии Штеменко, «безотлучно находятся в Генштабе начальник артиллерии Н.Н. Воронов, помощник командующего войсками Московского военного округа по ПВО М.С. Громадин, начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев, начальник Управления связи Н.И. Галич, начальник военных сообщений Н.И. Трубецкой. Нам, операторам, приходится поддерживать контакты с аппаратом каждого из них, в особенности с органами военных сообщений, поскольку передвижение войск из внутренних округов к линии фронта нуждается в неослабном контроле.

Эшелоны с войсками идут на запад и юго-запад. Сплошным потоком. То одного, то другого из нас направляют на станции выгрузки. Сложность и переменчивость обстановки нередко вынуждали прекращать выгрузку и направлять эшелоны на какую-то иную станцию. Случалось, что командование и штаб дивизии выгружались в одном месте, а полки – в другом или даже в нескольких местах на значительном удалении. Распоряжения и директивы, адресованные в войска, иногда устаревали, не достигнув адресата. За всем этим оператор обязан был следить и своевременно принимать надлежащие меры».

Одни операторы «вели карты обстановки, передавали в войска дополнительные указания, принимали оттуда новую информацию, писали справки и донесения». А другие «обобщали все эти материалы и готовили доклады в Ставку».

В связи с катастрофической обстановкой на фронтах довольно частыми стали командировки в действующую армию, прежде всего «для уточнения истинного начертания переднего края обороны наших войск, для установления фактов захвата противником того или иного населенного пункта».

Война вскрыла несовершенство организационной структуры в большинстве звеньев Генштаба. Поэтому перестраивались там на ходу.

Как писал генерал Штеменко, «окончательно выявилась практическая непригодность старой организации. Потребовалось выделить на каждый фронт специальную группу операторов во главе с опытным начальником (...) Не виной, а бедой нашей являлось то, что не всегда мы располагали достаточно подробными данными о положении своих войск. Впрочем, не легче доставались и данные о противнике. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать! Помню, однажды нам никак не удавалось установить положение сторон на одном из участков Западного фронта. Линии боевой связи оказались поврежденными. Тогда кто-то из операторов решил позвонить по обычному телефону в один из сельсоветов интересующего нас района. На его звонок отозвался председатель сельсовета. Спрашиваем: есть ли в селе наши войска? Отвечает, что нет. А немцы? Оказывается и немцев нет, но они заняли ближние деревни – председатель назвал, какие именно. В итоге на оперативных картах появилось вполне достоверное, как потом подтвердилось, положение сторон в данном районе.

Мы и в последующем, когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию».

* * *

Когда танковые группы противника прорвались к Барановичам и Молодечно, создалась угроза окружения всей белостокской (3-я и 10-я армии, кмг Болдина) группировки войск Западного фронта. Обстановка осложнилась до такой степени, что требовалось немедленно прекратить контрудар на Гродно, а главным силам тотчас же перейти к обороне в условиях окружения или же отводить их на восток. Но генерал армии Павлов не решился поставить перед народным комиссаром такой вопрос. Как факт, на 25 июня войскам фронта были оставлены прежние задачи: «Группе Болдина и 3-й армии – продолжить контрудар на Гродно и севернее, 10-й и 4-й армиям – удерживать занимаемые рубежи».

Следовательно, вечером 24 июня никакого кардинального решения в отношении белостокской группировки фронта принято не было. «Вместо попыток организовать отвод основных сил фронта из-под угрозы их окружения группа Болдина по-прежнему должна была в бесполезных атаках изматывать свои силы, терять людей, боевую технику, бесцельно расходовать боеприпасы и горючее, а основные силы 10-й армии – оставаться на рубежах по рекам Бебжа (Бобр) и Нарев, находившихся от линии Барановичи – Молодечно на расстоянии более 200 км», – писал в мемуарах генерал Сандалов.

Там же он приводит два варианта решений избежать катастрофы: «Одним из правильных решений могла явиться организация совместной круговой обороны войск 10-й и 3-й армий в районе Белосток, Беловежская Пуща, Волковыск под единым командованием находившегося в войсках заместителя НКО Г.И. Кулика и заместителя командующего фронтом И.В. Болдина...

Вторым решением мог быть организованный и быстрый отвод войск 10-й, 3-й армий и группы Болдина на восток, в Минский укрепрайон».

В результате 25 июня кмг Болдина была скована двумя пехотными дивизиями противника, а господствующая его авиация своими активными действиями дезорганизовала тыл, нарушив обеспечение группы боеприпасами и горючим. Более того, была потеряна связь кмг со штабом фронта.

К концу четвертого дня войны основные боевые действия в полосе 4-й армии проходили в районах, удаленных от государственной границы на 200 и более километров (район Барановичей и Слуцкое направление).

Угроза оперативного окружения войск 3-й, 10-й армий и группы Болдина восточнее Белостока возросла еще более.

* * *

Вечером 24 июня, замещавший Г.К. Жукова генерал Ватутин, предложил наркому обороны ходатайствовать перед Сталиным об отдании директивы командующему Западным фронтом об отводе войск из Белостокского выступа на восток. Пока маршал Советского Союза думал, в ночь на 25-е к Сталину поступило сообщение от Пономаренко: «Ввиду отсутствия других средств связи прошу передать тов. Сталину следующее. В связи с ожесточенными непрерывными бомбардировками Минск горит так, что вследствие большого количества деревянных строений локализовать пожар не удастся. Город лишен света, воды, всех средств связи, поэтому управлять областями невозможно. Военсовет решил сегодня ночью эвакуировать республиканские учреждения в Могилев и ставить вопрос о перемещении штабных служб».

Благодаря этой информации первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии вождь разрешил наркому обороны тут же из Кремля направить Павлову директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск. Директива была получена им в 3.47 утра. Тогда же возник вопрос: когда производить эту операцию? Ведь в ней было указано «под прикрытием темноты», но уже было светло. Оставалась только одна единственная ночь с 25 на 26 июня, до которой было необходимо дожить почти целые сутки.

В переговорах по «бодо» Павлова с Генштабом видно, как он заискивает, сгибается. Чувство растерянности и вины не покидает его: «– Я беспокою Вас в отношении директивы, полученной мной лично из Ставки в 3.47 утра. Я хочу уточнить один вопрос...» Маршал Тимошенко категоричен: «Операцию производить с 25-го на 26-е в ночь».

Рано утром 25 июня заместитель начальника штаба полковник Кривошеев встретил командующего войсками фронта, которому доложил об обстановке на участке 4-й армии. Павлов, в свою очередь, информировал Кривошеева об общей обстановке на фронте: «10-я армия занимает прежние рубежи, группа Болдина успешно наступает на Гродно, а южнее Полесья войска 5-й армии Юго-Западного фронта отступают от Западного Буга к р. Стырь...».

А уже днем 25-го Павлов приказал начать отход в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа: «Танки в авангарде, конница и сильная ПТО (противотанковая оборона. – Примеч. ред.) в арьергарде...»

«Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв производить на широком фронте... Первый скачок – 60 км в сутки», – говорилось в директиве командующим армиям. Но как правильно заметил В.А. Анфилов, «осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы».

21 час 25.06.1941 г. переговоры по «бодо»:

«**Тимошенко:** Здравствуйте, доложите кратко выполнение директивы.

Павлов: Сегодня с наступлением темноты части 10-й и 3-й армий должны быстро оторваться от врага и сделать за сутки не менее 60 км. В 4-й армии был лично сам. Приказал укрепить положение и обороняться на рубеже р. Шара. 64-я и 100-я стрелковые дивизии 3-й армии) организовали противотанковую оборону и развернулись на линии Минского УРа фронтом на северо-запад, имея в виду встретить танковые колонны противника, которые по данным авиаразведки на 18.00 подходили к Молодечно и Грудок...

Тимошенко: Готов ли у вас КП в Могилеве? Если нет, то надо ускорить готовность.

Павлов: Нет. К подготовке еще не приступили. Уходить же с этой КП до выполнения вашей директивы считал бы нецелесообразным, дабы не потерять управление.

Тимошенко: Готовить прибывающие дивизии в район восточнее Минска... Надо принять все меры к обеспечению правого фланга Минского УРа с севера, по вооружению как Минского, так и Слуцкого УРов и промежутка между ними...

Павлов: В отношении авиации мы все внимание сосредотачиваем именно на выполнении этой задачи... В отношении усилий противника и его стремления свести клещи окружения в районе Барановичи или даже Минска – мы ясно учитываем. И поэтому при выполнении вашей директивы уже создается группировка, которая позволила бы нам справиться и расправиться с этим окружением...

«Отдавая директивы на отвод войск на указанные рубежи в столь высоких темпах, – писал генерал Сандалов, – командование фронта имело далеко не полное представление об остановке не только в войсках 3-й и 10-й армий, находившихся в районе Белостока, но и в полосах 13-й и 4-й армий. Запоздалое решение Ставки Главного командования на отвод войск из района Белостока и отсутствие настойчивости у командования фронта в современном доведении его до войск в значительной мере предопределили в последующем неудачный исход боевых действий в период отступления и в конечном итоге тяжелое поражение войск всех армий Западного фронта».

И вот еще: «Это видно из того, что к моменту отдачи указаний командующим для отхода белостокской группировки войск Западного фронта оставался коридор шириной местами не более 60 км с небольшим количеством проселочных дорог. Над обоими флангами и тылом наших войск нависли крупные группировки противника. Войскам предстояло преодолеть расстояние свыше 150 км, на что требовалось не менее трех суток».

5 часов утра 26 июня 1941 г. переговоры по «бодо»:

«**Тимошенко:** Кратко, что имеете о действиях (войск)?»

Павлов: Связи с 10-й армией нет. Сейчас направляем боевые самолеты для точного определения, где находятся наши части и противника...

Тимошенко: Связь с 4-й армией имеется: действительно? Она в прежнем положении?

Павлов: Вторую половину ночи связи не было. Сейчас послал проверить проволочную связь. Связи ни с кем нет, кроме 2-го и 44-го стрелковых корпусов (13-й армии). Рации же в армиях все разгромлены. Осталось по одной рации...

«Примерно в это же время (...) дважды звонил Павлову Сталин. Командующий фронтом заверил и его, что примет все меры к отводу войск на восток и защите столицы Белоруссии. Тем не менее Сталин, сильно нервничавший и не доверявший уже Павлову, решил направить к нему Ворошилова с целью на месте разобраться в обстановке и оказать помощь командующему фронтом», – писал В.А. Анфилов.

Пока военачальники выясняли обстановку, столица Белоруссии была предоставлена сама себе. Люди грабили магазины и склады, из которых в первую очередь тащили вино и водку. Неудивительно, что на улицах Минска с каждым часом появлялось все больше пьяных. Но они обращали на себя внимание не надолго, так как немецкая авиация с перерывами бомбила город, превращая в руины жилые кварталы, заводы и фабрики. Столбы огня и дыма, оглушительные и еще не совсем привычные взрывы авиабомб наводили ужас на горожан, показывая им все красоты настоящего ада.

* * *

В полдень 25 июня разведчики 73-го отдельного разведбатальона 64-й стрелковой дивизии проводили разведку в районе Радомковичей. В четырех километрах от этого населенного пункта они обнаружили до двух десятков штабных автобусов и легковых автома-

шин. Комбат майор Чумаков двумя ротами внезапно атаковал немецких штабников. За полчаса разведчики уничтожили до полусотни немецких офицеров и солдат, захватили четыре портфеля с важными документами.

Когда 26 июня начальник оперативного отдела 13-й армии подполковник С.П. Иванов взглянул на подлинник захваченной трофейной карты, найденной в одном из портфелей, то он от удивления даже обомлел. «На ней было показано оперативное построение всей немецкой группы армий “Центр”. Особенно четко выделялись направления ударов 2-й и 3-й танковых групп, рубежи выхода их передовых частей по срокам, – вспоминал генерал армии Иванов. – Впервые я увидел вражеский оперативный документ такого значения и оценил его как профессионал: выполнен он был со скрупулезной четкостью и логичностью, хотя в наглядности уступал нашим подобным документам. Но, конечно, отнюдь не это стало главным впечатлением. Перед нами лежал графический план первой наступательной операции группы армий фельдмаршала фон Бока. (...) Ведь он позволял оценить громадные силы врага, наступавшие в полосе нашего фронта, давал возможность в полном объеме понять не только сущность, но и драматизм оперативно-стратегической ситуации на Западном Стратегическом направлении, осмыслить коварные и небезосновательные расчеты Гитлера.

Признаюсь, взгляд на эту карту вызвал у меня душевное волнение (...).

Роковую опасность сулили танковые клинья, устремленные к Минску. Мощные одновременные удары 2-й и 3-й танковых групп по сходящимся направлениям к столице Белоруссии ставили под угрозу окружения, и очень скорого, почти все наличные войска Западного фронта. Нанесенные на карте рубежи продвижения танковых соединений неопровержимо свидетельствовали, что этот план, хотя и не без трудностей, настойчиво проводится фашистами в жизнь».

К утру 26 июня Сталин был убежден, что контрнаступление Западного фронта неосуществимо. Он срочно вызывает на связь Жукова, который в это время находился в Тернополе.

– Товарищ Жуков, на западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете ли вы немедленно вылететь в Москву? – сказал Сталин.

В 15 часов генерал армии Жуков заходил в кремлевский кабинет вождя. Там уже находились члены Политбюро и военачальники. Тимошенко и Ватутин выглядели бледными и осунувшимися. С покрасневшими от недосыпания глазами они стояли на вытяжку перед вождем. Судя по всему, начальник Генерального штаба своим приходом оборвал весьма крутой разговор.

Сталин поздоровался кивком головы и тут же с раздражением бросил:

– Очень трудно понять предложения товарищей Тимошенко и Ватутина.

Затем он подошел к столу, где лежала развернутая карта с нанесенной на ней обстановкой Западного фронта и продолжил:

– По их словам, танковые колонны немцев уже недалеко от Минска. Войска первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходящих войск. Фактически Западный фронт прорван... Основные силы окружены... Подумайте все вместе и скажите, что еще можно сделать в сложившейся обстановке?

Через сорок минут доложите!

Тимошенко, Жуков и Ватутин вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и возможности Западного фронта.

Г.К. Жуков вспоминал: «Не зная точного положения в 3-й, 10-й и 4-й армиях, не имея полного представления о прорвавшихся бронетанковых группировках противника, командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов часто принимал решения, не отвечающие обстановке.

Понеся большие потери в приграничном сражении, войска 3-й, 10-й и 4-й армий, мужественно отбиваясь от наседавшего противника, отходили на восток. Героически сдерживали натиск врага и четыре дивизии 13-й армии: 26 и 27 июня они вели бои в Минском укрепленном районе.

По указанию Ставки Главного Командования генерал армии Д.Г. Павлов приказал 3-й и 10-й армиям отходить на восток и занять оборону на линии Лида-Слоним-Пинск. Но это никак не могло быть выполнено, так как эти армии были окружены, истощены и с трудом пробивались под непрерывными ударами немецкой авиации и бронетанковых войск.

26 июня 39-й моторкорпус противника подошел к Минскому укрепленному району, где с ним столкнулись направляющиеся сюда части 44-го стрелкового корпуса под командованием генерала В.А. Юшкевича.

С целью усиления обороны Минска со стороны Молодечно на северо-западные подступы к городу был срочно выдвинут 2-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора А.Н. Ермакова. В его состав входили 100-я и 161-я дивизии.

Однако с выходом на юго-западные подступы к Минску 47-го моторизованного корпуса танковой группы Гудериана положение обороняющихся войск резко ухудшилось. (...)

Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, скопывая значительные силы противника. Некоторые части 4-й армии отошли в Припятские леса. С линии Докшицы – Смолевичи – Слуцк – Пинск отходили на реку Березину разрозненные соединения войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже Зап. Двина – Полоцк – Витебск – Орша – Могилев – Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21 и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово – Смоленск – Рославль – Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2–3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И.В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи – создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований.

Где будет остановлен противник, что взять за выгодный исходный рубеж контрнаступления, какие будут собраны для этого силы, мы тогда еще не знали. Пока это был всего лишь замысел».

Что и говорить, всего за пять дней войны войска Западного фронта отошли от государственной границы на более чем 200 километров.

Войска 3-й армии продолжали вести бои на южном берегу реки Неман. Войска 10-й армии отходили с Запада без соприкосновения с противником. Связь штаба Западного фронта с ними отсутствовала.

13-я армия в момент нанесения контрудара с целью содействия группе Болдина сама подверглась встречному удару противника. Остатки 4-й армии продолжали отступление на восток.

Штаб Западного фронта 26 июня начал перебазироваться из района Уручье в Бобруйск, но в связи с обострением обстановки вынужден был остановиться в лесу восточнее Днепра, в районе Могилева.

Как считал генерал Сандалов, «в сложной, критической обстановке первых дней войны командование фронтом и армий не находило правильных оперативно-стратегических решений».

Утром 27 июня трофейную карту, захваченную разведчиками 13-й армии, представили больному маршалу Шапошникову. Предварительно ознакомившись с разведывательными донесениями Северо-Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, Борис Михайлович тут же сделал принципиальный вывод о том, что главный удар враг наносит не на юге, а в центре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.